

Юрий Мудренко

Б И С СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ

Только из этой книги вы во всех
подробностях узнаете об
умопомрачительных приключениях двух
друзей, ведущих популярную
программу на радио...

Юрий Мудренко

**Б и С спешат на помощь.
Только из этой книги вы
во всех подробностях
узнаете об умопомрачительных
приключениях двух друзей,
ведущих популярную
программу на радио...**

«Издательские решения»

Мудренко Ю. И.

Б и С спешат на помощь. Только из этой книги вы во всех подробностях узнаете об умопомрачительных приключениях двух друзей, ведущих популярную программу на радио... /
Ю. И. Мудренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831940-2

Все действующие лица и события вымышлены. Любое сходство с реальными людьми и событиями является случайным. Приятного вам прочтения!

ISBN 978-5-44-831940-2

© Мудренко Ю. И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Б и С спешат на помощь или история одного запутанного дела	6
Глава 1. Утром в студии	6
Глава 2. А тем временем в Питере	9
Глава 3. Пошлое прошлое	14
Глава 4. Своя рубашка ближе к телу, или появление новых персонажей	26
Глава 5. Что посеешь, то и пожнешь	29
Глава 6. Заключительный аккорд	35
Глава 7. Настоящее шоу не нуждается в рекламе	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Б и С спешат на помощь
Только из этой книги вы
во всех подробностях узнаете об
умопомрачительных приключениях
двух друзей, ведущих популярную
программу на радио...**

Юрий Иванович Мудренко

© Юрий Иванович Мудренко, 2018

ISBN 978-5-4483-1940-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Часть первая. Б и С спешат на помощь
или история одного запутанного дела
Совершенная, слегка надуманная
и почти правдивая история, случившаяся
вопреки всему тайному, ставшему явным
Но кто мог со всем этим справиться лучше Б и С?**

Глава 1. Утром в студии

Осеннее утро сегодняшнего дня было необычно теплым. А самым интересным было то, что среди промозглых дождливых дней, которые частенько наполняют содержание унылой поры, как, впрочем, было и в этом году, сегодняшний день резко отличался всем своим естеством. Он начинался по-другому, как бы сбросив с себя дождливый плащ и натянув на свое могучее тело летнюю футболку.

Геннадий почувствовал это сразу, лишь только выехал на работу. Он мысленно обрадовался тому, что сегодня, после нескольких ненастных дней, его машина не будет, наконец, забрызгана мокрой грязью. А так как дождь предыдущих дней прибил, буквально припечатал к земле всю пыль, то и на отполированной поверхности его легкового автомобиля марки «Фольксваген гольф» ее тоже не было. Из-за душного теплого воздуха пришлось даже снять пиджак. Было тепло, как летом, и это радовало больше всего.

Сергея, своего коллегу по цеху и партнера по шоу-бизнесу, Геннадий повстречал у входной двери.

– Привет, Серый!

– Здорово, коль не шутишь! – услышал он в ответ.

– Почему не заходишь?

– Да вот, свежим воздухом дышу, наслаждаюсь, а то сейчас как засядем с тобой до одиннадцати.

– Это верно! – резюмировал разговор Геннадий. – И все-таки пойдем. Ты же знаешь, что я опаздывать не люблю, а то опять все будут на нас с тобой коситься, и думать черт знает что.

Сергей засмеялся в ответ на такое замечание, но спорить не стал. Он и сам прекрасно понимал, что его друг прав, и прав на все сто процентов.

Через десять минут, сдав пропуска на входе, они оба оказались в уютной студии, которую не так давно реконструировали, заставив ее новой мебелью и напичкав современной аппаратурой. В самой студии царил рабочий полумрак, и только над столами, где обычно располагались ведущие утренней программы, ярко горел свет. Все было готово к утреннему эфиру, и, казалось, даже микрофоны застыли в ожидании этого почти торжественного момента. Однако чуда не случилось, все было, как всегда, когда кипела работа, звучала музыка, и ведущие бодрими голосами старательно будили аудиторию посредством самого обыкновенного общения.

– Ты почту успел посмотреть? – спросил коллегу Гена.

Тот в ответ только головой отрицательно помотал, а потом засмеялся, когда Бугловский погрозил ему кулаком. Пожав плечами, чтобы жестом ответить «ну, извини», он продолжил диалог с дозвонившимся в студию слушателем, предоставив Геннадию проверить почту самому.

А писем сегодня, в чем убедился Геннадий, было значительно больше обычного.

– Серега! – буквально через минуту воскликнул он. – Я тут письмоцо выщарапал интересное. Озвучить бы надо.

– А что за письмоцо? – спросил заинтересованно Сергей, уже закончивший свой диалог в эфире.

– Да вот один чудак пишет, что отправляется на север золотишко мыть, – смеясь, произнес Геннадий. – Интересуется, что оттуда лучше всего привезти в Москву в качестве подарка?

– Так пусть золото и везет! – засмеялся в ответ Сергей. – Намоет, отмоеет и везет.

Так прошел час, потом другой. Все шло своим чередом.

В студию звонили какие-то люди, рассказывая про себя всякие истории, напоминавшие большей частью серию мыльных опер. А порой некоторые из них и вовсе несли суший бред, слушая который, можно было сразу же понять, что целью звонка был не рассказ о чем-то, а всего лишь одно единственное неумное желание потрещать в прямом эфире, и неважно, о чем. Так все и продолжалось, пока не раздался звонок, изменивший настроение и весь ход утренней программы. Так бывает, когда бегущий человек вдруг неожиданно натывается на каменную стену и застывает перед ней в полном недоумении и неведении, как ему дальше поступить, чтобы преодолеть препятствие. Примерно то же самое произошло и на этот раз. Дозвонившаяся в студию женщина взволнованно спросила:

– Это радио?

– Вы угадали! – ответил Геннадий. – Вы дозвонились прямо в студию, в прямой эфир.

– Тогда вы должны мне помочь! – продолжила женщина на том конце провода.

– Слушаем Вас! – теперь уже Сергей вмешался в разговор, мысленно отметив время на циферблате наручных часов. – Восемь пятьдесят пять.

– Дело в том, что я сама живу в Белоруссии, в городе Полоцке. – начала свой рассказ незнакомка. – И я никогда вам не позвонила бы, если бы не пропал мой муж. Все дело в том, что когда я проснулась, то его в постели не было. Я прислушалась, но поняла, что дома его тоже нет. Я потом в этом удостоверилась.

– Ну так это же часто так бывает, – засмеялся Сергей. – Вы еще спали, а он пошел на работу.

– Да нет, ни на какую работу он не пошел, – торопливо заговорила женщина. – Я знаю точно, что он в Санкт-Петербург уехал. Тайком от меня.

– Вот это да! – присвистнул теперь уже Геннадий. – А позвольте узнать, что он там забыл?

– Да! – присоединился к разговору Сергей. – С чего это вдруг он так внезапно сорвался и уехал? И почему Вы думаете, что именно в Питер?

– Я в этом уверена, – сильно волнуясь, произнесла женщина. – И на то есть веские причины.

– Так, давайте-ка по порядку, – предложил Геннадий. – Вы нам расскажите всю суть подробно. А мы уж решим, что делать и как Вам помочь. Для начала представьтесь, пожалуйста, а то как-то неудобно говорить с человеком, не зная даже имени.

– Меня зовут Наташа, – назвала свое имя женщина.

– Очень приятно, – произнес Геннадий, одновременно с этим показывая жестом оператору, чтобы он записал этот разговор. – А теперь расскажите, в чем дело.

После небольшой паузы женщина начала свой рассказ. Говорила она быстро и сбивчиво, вероятнее всего из-за волнения, и из ее повествования стало ясно, что ее мужа зовут Кирилл Гамузов, что еще на заре бизнеса, так сказать с самого начала перестроечных процессов, Кирилл стал заниматься торговлей. И все шло замечательно. Он с завидным постоянством стал обрастать связями и набираться торгового опыта, и со временем крупные фирмы стали с удовольствием с ним сотрудничать. А три года назад он встретил своего бывшего товарища Валентина Саневича, с которым они были знакомы со школьной скамьи. Тот занимался постав-

ками куриного мяса. Именно тогда старые друзья договорились вести бизнес вместе. И все было замечательно до тех пор, пока в их жизни не появился Виктор Романовский.

– Я хорошо знаю, как его зовут, потому что его имя и его фамилия постоянно слетали с языка моего мужа и его компаньона по бизнесу, – сказала женщина. – И поначалу их отношений все шло просто замечательно. С компанией, которую представлял Виктор, были подписаны все необходимые договорные документы. Романовский представился очень сильным и крутым бизнесменом, и Кирилл вместе со своим другом Валентином поверили ему.

Далее Наташа сказала, что они стали поставлять куриное мясо в Россию. Объемы поставок стали расти, и муж был очень этим доволен. Однако несколько месяцев назад он стал чернее тучи. Как потом выяснилось, возврат денег стал уменьшаться и уменьшаться, а потом и вовсе прекратился, и виной всему был их новый знакомый бизнесмен Виктор Романовский, внезапно и безо всякого объяснения прекративший не только возврат денег, но и всяческие контакты со своими белорусскими компаньонами. Осознание того, что их цинично и беспардонно обманули, провели, как маленьких, наивных и ничего в этой жизни не видевших детей, только усугубило ситуацию и еще больше ухудшило и без того паршивое настроение. Друзья, немного погоревав, решили, что слезами горю не поможешь, а потому надо отправляться на поиски того, кто так нагло и бесцеремонно их надул. С этой целью месяц назад в Санкт-Петербург уехал Виталий, и вот вчера вечером он позвонил Кириллу.

– Он его нашел, – всхлипнула женщина. – Не знаю, как, но нашел. Муж еще вчера собрал вещи, чтобы ехать в Питер. Я пыталась его отговорить от этой затеи, но мне не удалось. А ночью он, воспользовавшись тем, что я заснула, взял вещи и уехал, оставив на столе короткую записку со словами «Прости, так надо». Я знаю, что будет беда. Они поклялись убить это ничтожество, но я не хочу, чтобы мой муж брал грех на душу. Не хочу. Вы должны мне помочь их остановить. Да их и самих могут убить за эти проклятые деньги. Помогите!

В трубке послышался плач. Это Наташа не могла больше сдерживать своих слез от охватившего ее чувства тревоги и волнительных переживаний.

– Наташа! – обратился к собеседнице Геннадий. – Вы меня слышите? А как найти вашего мужа?

Но тут, как назло, связь оборвалась, и в трубке раздались короткие гудки.

– Как не вовремя! – произнес Геннадий.

Затем он повесил трубку телефона и сначала посмотрел на Сергея, а потом обвел взглядом всех присутствующих в студии, отметив про себя, что пока шел диалог, в студию подтянулись практически все сотрудники.

– Заведите музыку! – попросил Сергей, первым нарушивший нависшую тишину. – Поставьте что-нибудь, пока мы тут консилиум собираем.

Их коллеги, застывшие на месте подобно зомби, очнулись, как ото сна, и уже через мгновение в эфире зазвучала первая попавшаяся под руку композиция.

– Так, ребята, работаем, – произнес Геннадий, первым вышедший из состояния легкого шока.

Шутить ему явно не хотелось.

– Давайте решим, что можно предпринять в данной ситуации, чтобы помочь звонившей женщине? – задал он философский вопрос.

Глава 2. А тем временем в Питере

В восемь пятьдесят утра этого самого дня на кухне маленького одноэтажного домика, снятого за смехотворную плату, в небольшом пригороде Санкт-Петербурга на деревянном табурете за старым обшарпанным прямоугольным кухонным столом в одних трусах и в тапочках на босу ногу восседал Виктор Романовский. Молодая женщина, с которой он жил весь последний год, на работу уехала рано, еще тогда, когда Виктор досматривал очередной сон. Девушку, по странному стечению обстоятельств, тоже звали Наташей. Она была молода, заносчива, строптива, однако при всем при этом с Романовским спорить не решалась. Так уж сложилось. Она прекрасно помнила, что на момент их знакомства денег у нее не было совсем, на работу ее никто не брал, а вот Виктор почему-то остановил свое пристальное внимание именно на ней.

Как пара они смотрелись весьма потешно: он, тридцати двух лет, упитанного, даже весьма полного телосложения с выпирающим вперед огромным животом, на коротеньких и толстых ногах с выражением лица, какое бывает только у лизоблюдов, с зачесанными назад волосами, прихваченными на скорую руку черной резинкой. И она, высокого роста девица, примерно на полголовы выше Виктора, со стройной фигурой, большой грудью, и тонкими с приятной кривизной ножками. В общем, эта пара бросалась в глаза сразу. А когда Виктор в момент разговора тряс своей козлиной редкой бородкой и шарил серыми жуликоватыми глазами, представляя свою пассию, то редкий человек мог сдержаться, чтобы ехидно не улыбнуться, а, отойдя в сторону после разговора, не произнести:

– Это абсурд какой-то! Ну и урод!

Однако все это не мешало им быть вместе. К слову сказать, Виктор вообще не любил быть один. Ему, как человеку, постоянно мечтающему о власти, нужна была свита, а уж из кого эта свита состояла, было абсолютно неважно. Самое главное, как он считал, свита придавала ему солидный вид крутого человека и избавляла от страха, который он испытывал, когда оставался с чужими людьми один на один. Особенно он боялся тех, кому успел насолить хоть раз в жизни. Несмотря на то, что Виктору от рождения было уже тридцать два года, но в его памяти прочно держались воспоминания о тумачах и оплеухах, отпущенных ему его оппонентами на разных этапах его жизненного пути. Он дал бы, конечно, за них сдачу, но и этого страшно боялся, потому что понимал, что получит еще. А бить его было за что.

Именно поэтому, пытаясь укрыть Виктора от этих самых тумачков, судьба забросила его в пригород Санкт-Петербурга, в старый заброшенный дом с примитивным печным отоплением, где он и сидел в восемь пятьдесят на табурете, уже окончательно проснувшись, но еще не одевшись, и потягивал крепкий кофе, наполнивший в утренний час не только кухню, но и все комнаты неповторимым ароматом. В доме никого не было, поговорить было не с кем, и это угнетало Виктора больше всего, а чтобы хоть как-то поднять себе настроение, он слушал радио. На самом деле ему самому было абсолютно все равно, какую радиостанцию слушать, и он никогда даже не утруждал себя мыслью переключить регулятор настройки каналов. Он просто тупо слушал все подряд, даже особо не вникая в суть утренних программ, выполнявших для него роль некоего будильника. Эти передачи создавали призрачный фон какой-то далекой цивилизации, в некоторой степени успокаивая сознание и готовя его к новому рабочему дню. Такая картина повторялась с завидной маниакальной периодичностью изо дня в день. Дело в том, что Наташа, уходя, делала громкость приемника почти на всю катушку, чтобы дать возможность своему сожителю проснуться окончательно, чтобы он, чего доброго, не проспал до обеда, а потом не обвинил в этом саму Наталью.

И Виктор привык каждое утро, лежа в кровати, слушая музыку или чью-либо болтовню в эфире, нехотя открывать сначала один глаз, потом другой, потом потягиваться до прият-

ной истомы и только после этого вставать с постели, хмуро осознавая свое одиночество в эту самую минуту. Выйдя на кухню, он делал громкость динамиков чуть тише и приступал варить кофе, без обязательной утренней чашки которого не мог себя даже представить. И пока грелась в чайнике вода, Виктор сидел на стуле и предавался воспоминаниям, отвлекаясь от них лишь в те минуты, когда по радио начинали рассказывать невероятную историю о том, как какой-то приезжий стал здесь, в Питере, за короткий срок миллионером, сделав состояние на совершенной ерунде, называемой современным бизнесом. Он слушал все это с упоением, потому что и сам был неместным, приезжим, одним словом, новой питерской лимитой. Кроме того, у него на руках все еще оставался его старый советский паспорт, и не потому, что он оставил его себе на память, а потому что не удосужился его своевременно обменять на новый. Для этого были свои причины, и причины весьма серьезные. Одним словом, живя вместе со всеми в новой России, он фактически был призраком, статистической единицей, затерявшейся в дебрях прошлых лет. Его, с одной стороны, это не устраивало, особенно когда надо было решать какие-либо вопросы, связанные с подписанием документов, где не верили на слово, а сразу же просили предъявить паспорт, чтобы занести в договор его серию и номер. Именно поэтому ему на все встречи приходилось брать с собой человека, которому он мог доверять, и который, соответственно, мог подписать все необходимые бумаги. А кто мог лучше играть такую роль, чем женщина, любовница, сожительница? Можно было бы, конечно, и мужчину привлечь для секретарства, но Виктор голубым не был никогда. Он хоть и был по природе жутким трусом, но все-таки был гетеросексуалом, а поэтому ему, как воздух, как глоток живительной влаги, нужна была женщина, которая могла бы выполнять все функции сразу. А с другой стороны, жизнь со старым паспортом была ему только на руку, потому что можно было водить за нос даже самого черта и оставаться при этом не узнанным, так сказать, инкогнито.

Отхлебнув очередной глоток остывающего черного заварного кофе «Паулиг» и потянувшись назад при помощи рук, сложенных в замок над головой, отчего произошла непроизвольная мерзкая отрыжка, Виктор вдруг застыл в такой позе на некоторое время. Именно в этот момент из кухонного радиоприёмника он услышал диалог ведущего популярной программы с девушкой Натальей из Белоруссии, из города Полоцка. От того, что он услышал, дыхание в зобу сперло, а пульс участился настолько, что сердце чуть было не выскочило из грудной клетки наружу. Виктор весь превратился в слух, медленно и бессильно опустив руки на колени. В горле у него мгновенно пересохло. В том, что говорили о нем, не было и тени сомнения. Услышанный диалог в прямом эфире пробил Виктора до мозга костей. Он вдруг понял, что откуда-то к нему незаметно подкрадывается большая неприятность, чего он всегда опасался, и имя этой неприятности – возмездие, так сказать, расплата за бесславные дела, которые он успел натворить. Разыгравшееся воображение тут же довершило создание ужасающих по своей сути картин, убивающих своей натуральностью, и ему от этого стало страшно, так страшно, что в нагретой кухне, где до этого даже в трусах было жарко, он внезапно почувствовал предательский озноб. Пальцы его рук похолодели из-за оттока крови, нос тоже похолодел, зубы стали выбивать морзянку, а внутри, примерно там, где находится сердце, что-то сжалось в комок, отчего стало трудно дышать. Именно оттуда изнутри по всему телу разошлась мелкая противная дрожь, которую Виктор испытывал всегда, когда понимал, что его скоро будут бить, и бить очень сильно. Дрожь с каждой минутой усиливалась еще и оттого, что время новых оплеух и тумачков ему было неизвестно. Это могло случиться через день или через два, а могло произойти и через пять минут. Он понимал, что надо взять себя в руки, постараться успокоиться, чтобы вновь обрести возможность трезво оценивать ситуацию.

Когда по радио зазвучала музыка, Виктор очнулся и потихоньку стал выходить из состояния скованности и оцепенения. Он практически сполз с табурета, как ящерица сползает с горячих камней, и, глядя, не мигая, в окно, выключил на кухне свет. Потом он выключил приемник.

Наступила зловещая, но необходимая тишина для того, чтобы иметь возможность прислушаться к тому, что происходило вокруг.

– Может, они уже здесь! – дрожа от страха, подумал Виктор.

Он понимал, что если бы сейчас кредиторы добрались до него, то помочь ему было бы некому. В этом случае его местоположение становилось западней. Как говорится, вход один, но и выход тоже был один. Виктор буквально прокрался к окну и осторожно выглянул во двор. Картинка вокруг его логова была обычной: у самого окна, практически упершись в стекла своими ветками, стоял горделиво куст крыжовника, за ним располагались несколько убогих грядок с сорняками и три облезлых и скрюченных деревца вишни. Виктор скользнул взглядом дальше, понимая, что за ветками огромного куста в темном помещении его не видно совсем. Осмотрев все вокруг очень внимательно, и ничего подозрительного не заметив, он немного успокоился и стал более или менее здраво рассуждать.

– Так, одеться надо! – лихорадочно подумал Виктор.

С этой мыслью он вбежал в соседнюю комнату и стал надевать на себя одежду, которая была разбросана по всей площади небольшого помещения. Это вчера после маленькой вечеринки, так сказать, прелюдии любовных утех, Виктор так быстро раздевался и так яростно разбрасывал свою одежду, что теперь с трудом отыскивал то, что надо было на себя нацепить. Не мудрствуя лукаво, он стал машинально одевать на себя то, во что был облачен вчера.

К слову сказать, над тем, что носить, он никогда не задумывался, то есть, совсем не задумывался. Он просто брал все, что попадалось под руку, и надевал на себя, даже не удосужившись посмотреть, чиста ли его одежда, и отутюжена ли она. Именно поэтому чаще всего на нем были надеты основательно заношенные потертые джинсы и прочие вещи не первой свежести. Из-за собственной неопрятности и неаккуратности Виктор обычно имел вид не крутого бизнесмена, которого мнил и старательно изображал из себя, а начинающего бомжа с жуликоватыми повадками и бегающими глазенками, говорившими о том, что их хозяин находится в постоянном поиске как бы что-нибудь украсть, стянуть под шумок. Сейчас же было не до условных рефлексов, а потому его глаза проворно шарили, подобно тепловозному лучу, по комнате в поисках того, что можно быстро нацепить на себя. Пары носков он так и не нашел, а потому надел разноцветные.

– Черт с ними, – зло подумал Виктор.

Когда с процедурой одевания было покончено и оставалось только обуться и надеть на себя куртку, он вспомнил про мобильный телефон, который вчера вечером разрядился окончательно, а вот зарядить его никто не удосужился. Виктор быстро схватил телефон и подключил его к электрической сети при помощи зарядного устройства. Убедившись в том, что телефон стал заряжаться, набираясь энергии про запас, Виктор, не теряя времени, стал продумывать свои дальнейшие шаги.

– Интересно, – подумал он, – что же все-таки обозначают слова белорусов о том, что они меня нашли?

С этими мыслями он еще раз выглянул в окошко кухни, потом в окна двух других комнат, но ничего подозрительного во дворе не заметил. Как ему вести себя дальше, Виктор уже успел придумать, решив в первую очередь покинуть свой домик и дистанцироваться от него. Слова белорусов о том, что он обнаружен, могли означать и то, что кредиторы знают, где он живет, а потому ему как можно скорее надо было покинуть жилье, которое в любую минуту могло превратиться в западню. Может быть, как раз в эти минуты они либо едут сюда, в Ольгино, либо уже идут по направлению к его дому.

Виктор не стал дожидаться подобной развязки, потому что встречи с этими ребятами не искал и вовсе. Он отключил зарядное устройство от сети и посмотрел на дисплей мобильного телефона, на котором высветилось всего одно деление зарядки.

– Мало! – нервно подумал Виктор. – Но надо уносить ноги.

Он осторожно приблизился к входной двери и, на мгновение прислушавшись к тому, что происходило снаружи, открыл дверь, которая предательски скрипнула ржавым металлом петель.

– Вот блин! – пронеслось в голове Виктора. – И почему я их до сих пор не смазал, а ведь сколько раз собирался?

Однако вопрос так и остался висеть в воздухе, очевидно, дожидаясь лучших времен, а Виктор осторожно вышел на крыльцо и, оглядевшись по сторонам, закрыл дверь на ключ. Выходить со двора он решил не так, как обычно, через калитку, а просто перелез через забор за домом. Там, как раз вдоль забора, проходила незаметная для чужаков лесная тропинка, которую знали только местные жители, и которая вела прямо к железнодорожной платформе. Тропинку эту знал и Виктор. Он хорошо помнил, как местные мальчишки ему когда-то показали этот путь, за что теперь он мысленно был им благодарен.

Уже через несколько минут Романовский шел по лесной дорожке, вдыхая утренний аромат чистого лесного воздуха, которого в городе днем с огнем не отыскать ни за какие деньги. Земля под ногами была влажной от переизбытка впитавшейся в почву воды, заполнявшей отпечатки ног беглеца при каждом шаге, делая их невидимыми для посторонних глаз. Северная сторона деревьев, росших вдоль тропинки, сплошь и рядом была покрыта проросшим на них густым зеленым мхом, а кроны деревьев надежно закрывали небо над головой, поэтому любой путник чувствовал себя, как в сказке, следуя по живописному коридору приветливого леса.

Только Виктор теперь не обращал внимания на девственную природу этого лесного уголка. Его мысли были сфокусированы на другой проблеме, появившейся в его сознании несколько минут назад. Ему, во что бы то ни стало, надо было срочно попасть на завод, туда, где находились производственные площади его предприятия, где в маленьком железном сейфе, встроенном прямо в стену еще бывшим владельцем мясного производства, были спрятаны деньги, которые ему могли сегодня понадобиться. И если бы не это обстоятельство, то Романовский вряд ли бы отправился на предприятие, прекрасно осознавая, что его могут подкараулить и там. Он торопливо шел и обдумывал свои дальнейшие шаги, пока не уперся в бетонную плиту железнодорожной платформы.

– А вот и станция! – очнувшись от невеселых мыслей, подумал Виктор.

Он остановился неподалеку в кустах и стал рассматривать всех тех, кто уже находился на бетонной площадке с железными перилами, а также двигался к ней и от нее. Через минуту он отметил, что тех, кого следовало опасаться, ни на платформе, ни вблизи ее пока что не было. Это позволило немного перевести дух, однако из соображений собственной безопасности, Романовский решил пока что на платформу не выходить, и дожидаться поезда, стоя здесь в кустах. Он посмотрел на часы, а потом, припомнив расписание, вычислил, что первым на станцию по всем расчетам должна была прибыть электричка, которая шла в направлении Санкт-Петербурга, и только через четыре минуты – та, которая двигалась в противоположном направлении. Такой запас времени гарантировал, что в любом случае ему удастся уехать раньше, чем на станцию приедут его преследователи, даже если они едут именно на этом электропоезде.

Пейзаж на платформе не менялся, да и людей, ожидавших поезда, было мало. Виктору это было на руку. Дело в том, что те, кто ездил отсюда, из Ольгино, в город на работу, сделали это гораздо раньше, поэтому сутолоки не было, пространство хорошо просматривалось, и это вполне устраивало беглеца.

Через три минуты подошла электричка, издав на подходе к станции протяжный гудок, дабы никто из пешеходов не вздумал приблизиться к железнодорожному полотну на опасное расстояние.

– Пора! – сам себе отдал команду Виктор и вцепился обеими руками в стальной каркас платформы, а потом с превеликим трудом из-за собственных габаритов и мешавшего живота

влез через перила наверх и сразу же сходу буквально закатился в вагон, неудачно споткнувшись на самом пороге.

Пол в тамбуре был грязный, а потому Виктор весь перепачкался. Поднявшись, он осмотрел себя. Колени и локти были грязными, живот тоже. Мало того, когда Романовский поднимался, он ухватился руками за железную штангу стоп-крана, которая тоже была выпачкана черным мазутом, отчего ладони Виктора стали черными и вонючими.

– Черт меня возьми! – выругался Виктор.

Он вытер руки, как мог, о стены тамбура, создав ненароком незамысловатое граффити, и после этого прошел в вагон, где было много свободных мест. Дойдя до самой середины вагона, он уселся на свободную скамью, широко расставив свои ноги. Сердце в груди бешено колотилось от волнения и совершенных телодвижений. Он то и дело ожидал, что вот-вот чья-то рука опустится к нему на плечо, и строгий голос кредитора настоятельно предложит ему выйти в тамбур для нелицеприятной беседы. А потом его будут сильно бить, даже не бить, а, вероятнее всего, пинать ногами, как надувной шарик, вот только улететь ему не удастся.

На его счастье ничего такого не произошло. Машинист проговорил в нос название следующей станции, автоматические двери электропоезда закрылись, и поезд, тронувшись с места, быстро набрал скорость и повез своих пассажиров в Питер. Мимо проносились силуэты придорожных столбов, столбиков, кустов и деревьев, и только синее небо с редкими белыми облаками как будто бы неподвижно замерло над землей. Буквально через две-три минуты мимо окон идущего электропоезда промчалась встречная электричка, в которой, возможно, ехали те, кто так жаждал встречи с Романовским.

– Не судьба! – почему-то подумалось Виктору.

Он отвел глаза от окна, исподлобья осмотрел всех пассажиров вагона и, не обнаружив среди них ни одного знакомого лица, снова погрузился в свои невеселые размышления.

Глава 3. Пошлое прошлое

Почему-то перед Виктором стала проходить в воспоминаниях вся его жизнь. Нет, страницы далекого детства не всплывали в его памяти, за исключением одной картины. Она касалась момента его жизни, где он впервые поступил очень некрасиво, гадко поступил, из-за чего пострадали ни в чем не повинные люди, а Виктор вышел, как говорят в таких случаях, сухим из воды. Этот эпизод напрямую имел отношение к той незабываемой поре, когда третьекласснику Вите Романовскому повязали пионерский галстук, чего он так жаждал и о чем так страстно мечтал. Он был самым обыкновенным мальчишкой с октябрятской звездочкой на груди, который, как и все его школьные товарищи, с завистью смотрел на старшеклассников, которые уже вступили в ряды пионерской организации, а потому все, как один, носили алые пионерские галстуки.

У Вити пионерского галстука еще не было, да если бы и был, то носить его в школе он не имел права до вступления в пионеры, а потому, мысленно приближая эту торжественную дату, Витя повязывал на шею самый обыкновенный мамин платок и, стоя перед зеркалом, представлял себя в строю пионерской дружины.

– Будь готов! – кричал он сам себе и тут же вскидывал руку для приветствия, сопровождая словами. – Всегда готов!

А потом, насмотревшись вдоволь на свое отражение, он снимал платок и прятал его обратно в шкаф.

После весенних каникул в школе полным ходом начались приготовления к приему в ряды пионерской организации всех третьеклассников. Самое главное – надо было собрать деньги на централизованную закупку пионерских галстуков, ибо какой же прием в пионеры может быть без галстуков, без этих небольших символов красного знамени? Деньги ребята сдавали пионервожатой, молодой девушке Ирине двадцати лет, очень симпатичной и чрезмерно активной. В ее кабинете, конечно же, никакого сейфа не было. Зачем он там был нужен, да и кто мог подумать, что в начальной школе может найтись ученик, способный на самую настоящую кражу? Но такой ученик нашелся! Им и был юный октябренок, без пяти минут пионер Романовский Витя.

– Можно зайти? – просунув свою стриженую голову в приоткрытую дверь в кабинет пионервожатой, спросил Витя.

– Заходи быстрее, что тянешь? – вопросом на вопрос ответила тогда Ирина Игоревна, жестом приглашая очередного носителя войти внутрь. – Как твоя фамилия?

– Романовский, – ответил ученик.

Ирина Игоревна вписала аккуратным почерком его фамилию в свою тетрадь, а затем произнесла:

– Не робей, воробей. Давай сюда денежки и пригласи следующего.

Витя подошел к столу и протянул вожатой деньги, крепко зажатые в пухлом кулачке.

– Надеюсь, без сдачи? – спросила Ирина Игоревна, а затем, пересчитав монеты, снова спросила. – Что застыл? На сегодня все. Иди.

Выходя из кабинета, Витя обернулся и увидел, что деньги, полученные у него, пионервожатая убрала в верхний выдвижной ящик стола, за которым сидела, но тут же про это забыл, торопясь к себе в класс.

Все будущие пионеры несли мелочь, а потому таскать с собой мешок с медью у пионервожатой не было никакого желания, тем более, что маленькая медная горка разрасталась, как по мановению волшебной палочки. Ирина Игоревна добросовестно делала отметки в ученической тетради в клетку, внося туда фамилии детей, сдавших деньги, после этого она брала двадцать семь копеек, ровно столько, сколько стоил галстук, и аккуратно убирала их в коробочку,

а затем задвигала ящик стола. Замка на самом ящике тоже не было, да в этом не было необходимости, потому что всегда, уходя из кабинета, Ирина Игоревна запирала входную дверь на ключ. Деньги лежали в коробочке, и никто не думал на них покушаться, чтобы присвоить. Это как-то не умещалось в головах столь юных созданий. Поначалу не думал это делать и Витя, но в этот раз судьба решила испытать на прочность будущего пионера, а потому сыграла с ним злую шутку, расставив все декорации так, что хотел он этого или нет, но ему пришлось принимать решение, оказавшись перед сложнейшим выбором.

Виктор поежился, отчетливо припомнив, как все получилось в тот злополучный день, и почему он, оказавшись на распутье, выбрал именно эту дорогу.

Комната пионервожатой была на втором этаже, а вся начальная школа располагалась на третьем. И во время школьных перемен между уроками туда лучше было не заходить, потому что любого из вошедших мог оглушить яростный шум младших школьников, которые и разговаривать-то спокойно не умели, а общались друг с другом только при помощи криков. Мало того, эти маленькие бестии просто с ног могли сбить, потому что гуртом носились по коридору, играя в свои, только им понятные игры. Играл со всеми и Витя, вот только из-за того, что был он полноват и раскормлен не по годам, угнаться за сверстниками практически не мог. А потому, чтобы хоть немного отдышаться от гонок, он искал спасения на лестничной клетке, где можно было перевести дух. Там он и проводил большую часть времени длинных перемен. Он обычно стоял на лестничном пролете у самого входа на этаж и напевал что-либо себе под нос. Иногда он спускался немного ниже и тогда, любопытства ради, заглядывал на нижние этажи, просунув в приоткрытые двери свою голову.

Сегодня тоже получилось так, что он вынужден был покинуть компанию своих друзей, чтобы отдышаться от гонок по коридору. Он вышел на лестницу, постоял там немного, а потом пошел путешествовать ниже. Сначала он решил заглянуть на второй этаж. Там было тихо, потому что старшекласники писали предэкзаменационный диктант. У самой входной двери на стуле сидела уборщица тетя Валя, как ее звала вся школа. Тетя Валя, пожилая, полная женщина, была ответственной за звонки, пока шли уроки. А когда проводилось подобное мероприятие, то она еще, вдобавок ко всему, выполняла роль вахтера и стража тишины и порядка. Она тихонько сидела у самого входа на этаж и немедленно прогоняла любого ученика, кто пытался туда зайти.

Витю тетя Валя не заметила, потому что в то мгновение, когда он заглянул в приоткрытую дверь, она повернула свою голову в другую сторону. Ее как раз окликнул кто-то из учителей из глубины коридора, отчего женщина поднялась со своего стула и, шаркая подошвами своих тапочек, направилась в другой конец длинного помещения мимо панно из ужасных рисунков, сделанных на стенах каким-то неизвестным художником.

Увидев, что тетя Валя ушла со своего боевого поста, Виктор, осмелев, сначала заглянул в коридор, а потом, видя, что никто не препятствует его проникновению, вошел на этаж, где было тихо, но невероятно интересно.

Когда он нес сдавать деньги пионервожатой, то видел какие-то картины, которые толком рассмотреть из-за спешки не мог, а сейчас такой шанс ему представился. Веселые картинки, изображающие знакомых животных из русских народных сказок, были везде, а потому Витя шел по коридору, как по музею. Он с интересом рассматривал рисунки, совершенно позабыв, где находится. Дойдя до кабинета пионервожатой, он сначала хотел пройти мимо, но какая-то сила заставила его надавить на ручку двери. К его удивлению дверь оказалась незапертой. Вместо того, чтобы закрыть дверь и ретироваться, Витя, убедившись, что в кабинете никого нет, зашел туда. Он постоял некоторое время, прислушиваясь, не слышно ли приближающихся шагов. Было тихо. Вите никто не мешал, а потому он подошел к столу, за которым обычно сидела Ирина Игоревна, и выдвинул верхний ящик.

Он хорошо помнил, как пионервожатая убрала туда полученные у него деньги. В глубине ящика стола стояла картонная коробочка. Витя придвинул ее и обомлел: столько денег он еще не видел. Дыхание его участилось, и он захотел тут же вернуть коробочку на место, а ящик в прежнее положение, что и сделал, но потом почему-то открыл его снова и посмотрел на внушительную кучу монет разного достоинства. Сколько там было, он не знал, но по виду понял, что много. В голове маленького октябренька Вити Романовского вдруг появилась мысль, что он может стать сегодня богатым, если возьмет эти деньги. И эта мысль оказалась сильнее чувства страха и заглушила голос разума, говорившего, что не стоит этого делать, что надо просто задвинуть ящик и уйти отсюда куда подальше, забыв про греховное наваждение.

Однако появившийся в его душе червячок уже стал впивать свои зубы в его еще такое не окрепшее сознание, отравляя его чувствами жадности и безнаказанности. Витя осмотрел помещение и увидел висящий на вешалке у двери полиэтиленовый пакет. Воровато оглянувшись, он снял пакет с вешалки, затем вернулся к столу и вытащил из ящика коробку с деньгами. Высыпав все деньги до копейки в пакет, Витя положил коробку на место и закрыл ящик. Ему опять стало страшно, и он хотел высыпать деньги обратно в коробку, но сдержался и не стал этого делать. Поборов чувство собственного страха, он стал обдумывать, что надо сделать, чтобы незаметно вынести украденные деньги. Он понимал, что если его увидят на этаже, тем более с пакетом в руках, то все подозрения немедленно падут на него, а этого допустить было никак нельзя, ведь тогда все усилия пропали бы даром. Поэтому он решил действовать грамотно и для начала избавиться от ноши.

Ему очень не хотелось потерять уже присвоенные чужие деньги. Витя подошел к окошку и выглянул наружу. Перед окнами никого не было. Тогда он совершенно хладнокровно отстегнул оконный шпингалет и слегка приоткрыл окошко. Высунув руку с мешком в открытое окно, он разжал пальцы. Повинуясь силе земного притяжения, пакет полетел вниз и удачно приземлился на мягкую землю газона за кустами, которые обильно росли по периметру тыльной стороны школы. После этого Витя закрыл окно, застегнув его обратно на шпингалет, тихо подкрался к двери и прислушался. В коридоре по-прежнему было тихо. Тогда он выглянул из кабинета. Тети Вали нигде не было видно. Очевидно, ей пришлось задержаться там, куда ее позвали, и это было на руку.

Витя вышел из кабинета пионервожатой, прикрыл плотно дверь и направился к выходу с этажа. Сердце громко и учащенно стучало, но третьеклассник Витя Романовский с волнением справился, после чего поднялся, никем не замеченный, к себе на третий этаж, и уже через минуту вместе со своими товарищами сидел в классе на уроке.

Гром прогремел на следующей перемене, когда в школу вернулась пионервожатая, которая и обнаружила пропажу денег. Все подозрения сразу же пали на старенькую уборщицу тетю Валю. Только она находилась все это время на этаже, только она знала, что дверь не заперта, а потому только она могла взять эти деньги. Старушка божилась, что денег не брала, говорила, что даже в кабинет не заходила, но ей не поверили. Позже у пожилой женщины случился инсульт из-за переживаний, но это не спасло ее от оговора.

Витя Романовский это знал, но молчал. После уроков он нарочно задержался в школе. Как только его друзья разошлись по домам, он выложил из своего портфеля спортивную форму, чтобы создать запас места для денежного мешка, запихнул ее поглубже в парту и, воровато оглядываясь, вышел из школы. Ему повезло: ни у школьного крыльца, ни рядом во дворе не было ни души. Витя обошел школу и стал пробираться через кусты к тому месту, где по всем расчетам должен был находиться мешок с деньгами, но мешка нигде не было. Витя обшарил все вокруг, исползал на четвереньках весь газон, кланяясь чуть ли не каждой травинке, но так ничего и не нашел, а лишь только поцарапался об колючие ветки густого кустарника.

Он совершенно не знал, да и представить себе не мог, что через пятнадцать минут после того, как Ирина Игоревна обнаружила пропажу денег, в школу были вызваны оперативники,

которые сразу же приступили к розыску украденного. Они проверили все возможные версии и быстро обыскали каждый закоулок второго этажа и прилегающую территорию под окнами у школы, и нашли деньги, старательно кем-то завернутые в полиэтиленовый мешок, который спокойно лежал на траве прямо под окном пионервожатой. Вор и злоумышленник так и не был найден, хотя следователи по факту кражи работали в школе целую неделю, допрашивая всех подозрительных и неблагонадежных учеников старших классов, но все их версии развалились, как карточные домики, из-за полной несостоятельности. Да и кто мог подумать, что подобную кражу совершил ученик третьего класса? И хоть деньги удалось вернуть в целостности и сохранности, но здоровье и честное имя пожилому человеку было уже не вернуть.

Однако Витя из-за этого вовсе не огорчился. Его больше расстроил неудачный опыт кражи. Более того, он всерьез считал эти деньги своими, заработанными, а самое главное, Витя вдруг понял, что деньги можно получать и таким способом. Что-то надломилось в душе третьеклассника, куда пролез маленький червячок жадности и подлости. Он-то и разросся позже до огромных размеров, способных даже заглушать на какое-то время чувство самосохранения.

Двадцать второго апреля, в день, когда пионервожатая Ирина Игоревна повязывала ему на шею пионерский галстук, Витя смотрел ей прямо в глаза и ненавидел ее уже только за то, что ровно неделю назад ему не удалось завладеть огромной, по его представлениям, кучей денег.

– Будь готов! – громко произнесла пионервожатая, закончив манипуляции с Витиным галстуком и убедившись в том, что галстук завязан правильно, и узел получился ровный и пышный.

– Всегда готов! – ответил, еле процедив эти слова сквозь зубы, юный пионер Романовский Витя, готовый расплакаться от злости и бессилия.

Это потом, со временем, он научится держать свои эмоции под контролем, улыбаться, когда сам этого не желал, говорить лестные слова, когда на самом деле хотел просто грубо ответить. Вот только страсть к легким деньгам, полученным любыми способами, стала в его сознании размером с целую вселенную. Он стал настоящим поклонником этой любви, ее фанатом, ее заложником, ее рабом. В этой любви растворилась его совесть, она утонула в ней, пропала без остатка. Из-за денег он был готов на любое преступление, и только собственная трусость вставала на пути его непомерных желаний.

Виктор посмотрел на часы и сразу отметил про себя, что ехать ему еще долго, что он только что проехал следующую станцию, однако до Старой деревни оставалась еще целая куча остановок, да и состав почему-то тащился медленно, как будто бы специально никуда не спешил. По вагону прошли два корабейника, обвешанные с ног до головы бумажными медицинскими гиляндами, предлагая купить у них всего за десять рублей целых двенадцать пластинок бактерицидного лейкопластыря, а потом снова все стихло, и только мерный стук колес напоминал о том, что путешествие продолжается. Виктор снова отвернулся к окну, где перед его глазами плыл и покачивался пригородный пейзаж.

– Да, было время, – вслух, но очень тихо, нараспев произнес Виктор и осекся, обнаружив, что на него уставилась пара глаз соседа, сидящего напротив.

Виктор прикрыл глаза, хотя спать ему не хотелось, всем своим видом показывая, что разговаривать ни с кем не собирается, и снова погрузился в воспоминания, только теперь о той незабываемой поре, когда в нашу страну примчался локомотив перестройки, наряженный со всех сторон в новые, незнакомые, кричащие лозунги «Гласности» и «Демократизации».

Перестроечные процессы, начатые в нашей стране, застали Виктора еще тогда, когда он со своими сверстниками учился в школе. Будучи учеником шестого класса, он понемногу стал заниматься фарцовкой, благодаря чему появились деньги, о которых он мечтал с начала пионерского детства. Алый галстук к тому времени был препровожден в карман брюк, а затем и вовсе выброшен в сортир. Именно так Витя показал свою неприязнь к пионерской символике, истинной причиной которой являлись не идейные расхождения, а банальная ненависть

к пионерии из-за неудавшейся кражи в третьем классе. Учебу он тоже запустил, переключив всю свою энергию на новое занятие, приносящее хорошие деньги, которых хватало не только на мороженое. Десять лет обучения в школе прошли незаметно, а потому, получив с горем пополам аттестат о среднем образовании, Виктор Романовский, молодой человек семнадцати лет, вошел во взрослую жизнь.

В то время как раз ларечная тема набирала обороты, и Витя был втянут в нее своими старшими товарищами. Не воровать он не мог, поэтому вскоре из конторы, где он трудился, стали пропадать деньги. Компаньоны ссорились между собой из-за недостачи, часто ругались, но никто из них не мог даже подумать, что виновником всех неурядиц и разборок был самый младший и самый хитрый в команде – Виктор Романовский. Он так ловко воровал деньги, что заподозрить его никто не мог, и это ему нравилось, потому что он всегда считал себя умнее других, вот только все его способности дальше тривиального воровства из-за элементарной жадности, сгубившей все его таланты, не выходили.

Как говорится, сколько веревочке ни виться, но конец всегда найдется. Так получилось и на этот раз, потому что воровство долго продолжаться не могло. Виктору, может быть, и на этот раз все сошло бы с рук, если бы он не положил свой глаз на деньги братвы и не стащил сумму, которая была отложена на оплату браткам за их услуги. Разборки начались серьезные. Бандиты не стали делить горе-бизнесменов на тех, кто может, и тех, кто не может украсть. Они упростили ситуацию, поставив под подозрение всех, изначально предположив, что деньги мог взять любой, поэтому двух легких ударов по печени хватило на то, чтобы Виктор сознался в совершенной краже.

Забрав причитающуюся им сумму, старший лихой команды предупредил:
– Это только начало. Теперь слушай, сколько ты нам должен еще.

После всего этого братва не успокоилась и включила счетчик, так назывались в ту пору проценты от упущенной выгоды, а в данном конкретном случае это была плата за причиненный моральный ущерб, а чтобы доказать серьезность своих намерений, Виктору выбили два верхних передних зуба.

После этой истории Виктор заплатил много денег по счетчику, и если бы не случай, то платить пришлось бы всю оставшуюся жизнь.

В ту пору начались разборки между группировками из-за передела собственности и сфер влияния, часто заканчивающиеся стрельбой и трупам. В одной из таких разборок и полегла эта братва, а Виктор, воспользовавшись полученной передышкой и неразберихой, прихватил деньги своих компаньонов, а заодно и деньги некоторых кредиторов их бизнеса и рванул из Москвы в Питер.

Он хорошо помнил день приезда в Санкт-Петербург. Была дождливая осень 1995 года, самая ненастная пора года, которой город на Неве нисколько нельзя было удивить, как не удивился Санкт-Петербург появлению на своем традиционном горизонте очередного приезжего по имени Романовский Виктор.

Виктор, как тому положено, прибыл на Московский вокзал северной столицы, который своим видом напоминал Ленинградский вокзал в Москве. Очевидно, архитекторы той далекой эпохи, когда здания только проектировались, задумали соорудить их наподобие братьев-близнецов, что само по себе являлось оригинальным решением.

Виктор в Питере еще не был, хотя еще в детстве собирался посетить этот город, но каждый раз роковое стечение обстоятельств не позволяло ему это сделать, откладывая его визит на потом. Обычно все попытки заканчивались на стадии мечтаний, так и не начавшись. Правда, один раз в жизни, а это было, когда Виктор учился в девятом классе, они всем классом собирались ехать туда на экскурсию. Уже были куплены билеты, собраны вещи, произведены напутствия родителей, чтобы их чада вели себя пристойно и не хулиганили в поездке. Оставался всего один день до отъезда, когда у Виктора накануне вечером разболелся живот. Мама пыта-

лась отпить его лекарствами, и даже грелку на живот поставила, но все усилия оказались тщетными. Пришлось вызвать врача, и тот, осмотрев Витю, сделал неутешительный вывод, что, по всей вероятности, у ребенка дизентерия, а точнее, подозрение на таковую. С этим диагнозом больной срочно был переведен в стационар. Одноклассники уехали без него, а Виктору пришлось проходить все процедуры и сдавать анализы. Диагноз не подтвердился, живот болеть перестал, и Витю через три дня выписали домой из больницы, но одного его родители все же не отпустили в город на Неве. Витя просидел оставшиеся дни школьных каникул дома перед телевизором и поклялся сам себе, что когда-нибудь, несмотря ни на что, он прибудет с визитом в этот город и, вполне возможно, останется там надолго.

Однако он и предположить не мог, что его визит будет таким внезапным и скоропалительным. Прибыв на Московский вокзал, Виктор был слегка удивлен разительному сходству двух сооружений.

Площадь московского вокзала была похожа на кишаший людьми рынок, где продавали всякую всячину, как с рук, так и в расположенных на территории вокзала многочисленных ларях. Однако в тот день Виктору было не до ларей и не до торгующей публики. Он спасался бегством от возможных преследователей, которые дорого заплатили бы, чтобы его найти, поэтому он поспешно пересек здание вокзала и подошел к киоску, где продавались газеты и журналы. Поставив свой чемодан на асфальт перед собой, Виктор наклонился к окошку и спросил продавца:

– Не подскажете мне, в какой газете можно посмотреть информацию о сдаче квартиры внаем?

– Реклама-шанс.

– Сколько стоит? – спросил Виктор.

– Шесть тысяч рублей, – ответила продавец.

Виктор протянул ей нужную сумму, взял купленную газету и, сложив ее пополам, убрал в одно из отделений своего дорожного чемодана. Изучить предлагаемую недвижимость, сдаваемую в аренду, он решил немного позже, отойдя на безопасное расстояние от вокзала. Пройдя под аркой, которая выводила прямо на привокзальную площадь и Невский проспект, он лицом к лицу столкнулся с двумя гражданками, у которых на груди висели таблички «Квартиры и комнаты внаем».

– Вы-то мне и нужны! – обрадовался Виктор и подошел к ним для разговора.

– Комнату у Вас можно снять внаем? – поинтересовался он у гражданок.

– Конечно, можно, – ответили тетки. – А Вам на какой срок? День? Два? Неделю?

– На неделю, – ответил Виктор.

– Тогда это – мой клиент, – улыбнувшись, произнесла та, что была пониже и полнее своей подруги. – Давайте отойдем вон за те столики и поговорим.

Через полчаса он был уже в съемной квартире на улице Восстания. Риэлторша, если можно так назвать данное создание женского рода, сдала ему комнату ровно на неделю, благоразумно взяв причитающуюся сумму денег вперед и снабдив своего нового постояльца ключом, как говорили классики:

– Утром – деньги, вечером – стулья.

Комната была маленькая. Ее единственное окошко выходило во двор-колодец со специфическими запахами и серым прокисшим видом из-за замкнутого пространства и грязи, привычной глазу обитателей коммунальных квартир. Присутствие нового жильца в комнате никого из постояльцев не удивило. Они привыкли к частым переменам состава проживающих здесь людей, а потому не обращали на эти условности никакого внимания. Виктора это тоже вполне устраивало, потому что лишний раз светиться и кому-то что-либо объяснять ему не хотелось. Он все еще сильно боялся, что московские коллеги его все-таки найдут и выведут

на чистую воду, лишив его, соответственно, украденных денег, а заодно и здоровья. Тут Виктор причмокнул губами, вспомнив про выбитые передние зубы.

Через неделю он сдал комнату ее хозяйке, а сам переехал в другую квартиру на Лиговском проспекте. Этот адрес со сдаваемой внаем комнатой он нашел по объявлению в газете «Реклама-шанс», и она понравилась ему гораздо больше, чем та, в которой ему пришлось прожить целую неделю. Комната находилась в коммунальной квартире на втором этаже, а ее окно выходило на Лиговский проспект. И хоть было немного шумно из-за проезжавших машин, зато светлее и веселей. Все-таки двор-колодец со своим монотонным пейзажем был значительно хуже. В этой комнате Виктор прожил целый год. Весь этот год он нигде не работал, потому что денег хватало, тем более тратил он их только на самое необходимое. С соседями Виктор успел неплохо подружиться, но на вопрос, почему он переехал из Москвы в Питер, отвечал уклончиво, неизменно добавляя, что сырой климат ему рекомендован лечащим врачом. Однако вечно в Питере он жить не собирается, а потому все равно рано или поздно снова уедет в Москву.

Соседи, будучи людьми простыми, считали его крутым, как вареное яйцо, а потому разговаривали с новым постояльцем вежливо и тактично. Это Виктору очень понравилось и прибавило в его копилку положительных эмоций и уверенности. Кроме того, со временем он действительно осмелел и стал все чаще выходить на улицу, присматриваясь, чем дышит этот красивый северный город. О своих родных, оставленных им в Москве на произвол судьбы, он практически не задумывался, и вопрос, что будет с ними после его бесславного бегства из столицы, волновал его мало.

А произошло все довольно банально и предсказуемо: за все его художества ответила его жена, которую уже другие бандиты сделали инвалидом. Затем она спилась, что было на руку ее бывшему муженьку, у которого уже давно не было ни стыда, ни совести, а потому слово честь и честность ему были не только не знакомы, но и абсолютно чужды.

Прошло еще немного времени, и украденные деньги стали заканчиваться. Надо было что-то срочно придумывать. Но что? Работать Виктор не любил, а за истекший год безделья и затворничества и вовсе разучился что-либо делать. Он просто был молодым похотливым лоботрясом, некогда настрогавшим с бывшей супругой чисто случайно двоих детей, но забывшим и про них, как только сел в поезд Москва – Санкт-Петербург. Да и немудрено, потому что он никогда не задумывался о последствиях своих действий, и всегда жил сегодняшним днем, а если удавалось заработать или украсть хоть каких-либо денег, Виктор тратил их с бешеной скоростью.

Еще в Москве отличительная особенность его так называемого бизнеса заключалась в том, что он постоянно хватался за очередную новую идею, которую тут же с треском проваливал. Любая, даже очень хорошая идея была тут же им обгажена и загублена на корню, превращаясь на глазах, как по мановению волшебной палочки, в очередной прожект сумасбродного идиота. Зато рот Виктора не закрывался никогда. Он всегда считал себя первоклассным актером, правда, все его актерское мастерство нравилось только малолеткам, и так как он никогда не мог произвести нужное впечатление на настоящих леди, то ему приходилось довольствоваться услугами все тех же недозревших юных дев, которых он сражал наповал своим красноречием и яростным напором. Вот и на новом месте жительства в коммуналке на Лиговке он сошелся с такой же девчонкой, представившись ей таким русским Джеймсом Бондом, хотя на последнего он не тянул, но девочка из-за недостатка жизненного опыта ему поверила. Она просто растаяла в его словах, приняв вымысел за истинную правду. Виктор же постепенно стал заполнять все ее сознание, практически зомбируя ее еще детское воображение в своих целях, заодно используя и деньги, которыми снабжали любимую дочку ее родители, потому что свои финансы к тому времени уже закончились.

Убедившись окончательно, что в северной столице его никто не ищет, он опять, как и прежде, начал действовать, правда, на сей раз не от своего имени. Выбитые передние зубы служили прекрасным узелком на память. Найдя в той же коммунальной квартире старого маразматика-пенсионера, Виктор открыл на его имя компанию, очередное смешное частное предприятие, где учредителем и генеральным директором числился некий Луденчук, ничего не подозревавший о происходивших от его имени аферах, а вот закулисным воротилой всех бесславных дел был сам Романовский.

Нельзя сказать, что он не хотел нормально работать, вовсе нет. Напротив, он очень старался, работал, не покладая рук, очень часто не досыпая, и все равно у него ничего не получалось, а заработанные деньги тут же тратились на очередной полоумный прожект или попросту проедались. Виктор остро нуждался в притоке новых денежных средств, а потому старался кредитоваться у всех, у кого только мог. Он с упорством маньяка искал и находил людей или организации, кто по собственной глупости или по незнанию все-таки предоставлял ему либо денежный, либо товарный кредит, о чем впоследствии весьма сожалел. Виктор же снова искал новых кредиторов, снова просил деньги под проценты либо товар с отсрочкой платежа, попутно рассказывая о своих планах на жизнь.

Умные люди были в шоке от его рассказов и от его поведения. Каждый из них видел в Романовском очередного сумасбродного идиота без денег и без здравого смысла, зато с огромным желанием кипучей деятельности. Первое впечатление, как известно, самое правильное, поэтому любой здравомыслящий человек, имевший неосторожность познакомиться с Романовским, жаждал поскорее избавиться от какого-либо общения с ним.

Виктор же был неумолим и неутомим. Он то открывал отделы в магазинах, которые затем бросал из-за накопившихся долгов, то строил идиотские ларьки для торговли пирожками, скрываясь потом от арендодателей все по тем же причинам, то разворачивал на рынках не окупаемые по аренде площади для торговли, а потом опять скрывался от арендодателей, бросив на произвол судьбы полученное в аренду у поставщиков оборудование и проданный ему в кредит товар, за который, в общем-то, и рассчитываться не собирался, но все равно денег катастрофически не хватало.

Потратив все, что в него по легкомыслию кредитовавших его людей было вложено, Виктор стал изыскивать дополнительные ресурсы, втайне мечтая выйти на новый, более высокий уровень бизнеса, чтобы забыть о своем полуголодном существовании. Если бы это случилось, то совершенно спокойно, как он и предполагал, можно было бы плюнуть с высокой башни на мелких кредиторов, отказавшись от их услуг, а заодно и от своих обязательств перед ними.

– Ну что, деятели! – крикнул бы тогда Виктор с высоты своего полета тем, кто его когда-то кредитовал. – Вот он я, и попробуйте теперь меня достать!

Однако грандиозных сделок в тот период не выгорало и не получалось, а потому вместо свободного от всяческих условностей полета на крыльях огромных доходов, ему по-прежнему приходилось передвигаться исключительно по земле. Как показал предыдущий опыт, от тех, с кем он общался на тот напряженный момент времени, можно было получить товар от силы долларов на триста и оборудование – один, максимум два старых и никому не нужных холодильных ларя. В России тех, кто мог дать товара много и надолго, уже не находилось, и Виктор нашел выход на парней из Белоруссии, которые и думать, и гадать не могли, что в скором будущем их нагло и беспардонно проведут, как детей, оставив без товара и без денег.

Виктор же никогда не делил деньги на кредит, который надо отдавать и заработанную прибыль, которую можно расходовать по своему усмотрению. Получив целую фуру товара – курей из Белоруссии, Виктор сначала не поверил собственному счастью, но, взяв себя в руки и немного успокоившись, он стал быстро пристраивать товар по магазинам.

Отдав часть денег, вырученных за проданный товар своим новым кредиторам, он стал просить у них новый товар, и случилось чудо, какое бывает в тех случаях, когда небо падает

на землю, и разумный ход событий прекращается из-за сбившейся программы. Виктору прислали очередную фуру потрошенных цыплят, которых он тоже благополучно пристроил в торговые точки.

Появившиеся деньги воодушевили Виктора, вдохнули в него хорошее настроение и чувство уверенности в завтрашнем дне, которого так не хватало. Он вдруг вспомнил то время, когда у него тоже были значительные суммы, и он мог тратить их так, как ему хотелось, не задумываясь над ценами, не ломая голову над тем, что купить. В этот период он даже стал понемногу шиковать, покупая себе и своим девицам различные безделицы, такие, как хорошая одежда и понравившиеся мобильные телефоны, которые в силу собственной рассеянности постоянно терял, наручные часы и много других вещей. Общественный транспорт он стал презирать, а потому передвигался исключительно на нанятых частных автомобилях.

Виктор останавливал на улице первую попавшуюся легковушку и с небрежным видом человека, знающего себе цену, просил подвезти до соседней улицы, с лихвой давая водителю «на чай». И если раньше он питался, как придется, всухомятку давясь продаваемыми пирожками, то теперь мог поесть в нормальном кафе и даже ресторане, демонстрируя всем, какой он крутой. Он даже отдал часть долга своим бывшим мелким кредиторам, незаметно для себя погружаясь в пучину новых больших долгов.

Однако пока из магазинов возвращались деньги за проданных курей, Виктор чувствовал себя неплохо в иллюзорном мире своего достатка, но затем поток денег стал иссякать. И если раньше Виктор хоть понемногу отдавал еще деньги своим белорусским кредиторам, то потом перестал это делать вовсе. Когда кредиторы стали добиваться вразумительного ответа на вполне обоснованный вопрос, где же их деньги за проданный товар, Виктор на них «обиделся» и попросту стал избегать всяческого с ними общения, отключая свой мобильный телефон во время их настойчивых звонков. А так как он был мистером инкогнито, то скрыться от своих преследователей ему ничего не стоило: фирма была зарегистрирована не на него, офиса не было, своих торговых точек тоже. Одним словом, он был фантомом, призраком, привидением, Фигаро, а потому хоть весь Питер перерой в поисках, но его не найдешь, разве что если очень и очень постараться, приложив немало усилий и времени.

– Белоруссия далеко, а я здесь, в России, и попробуйте меня достаньте, – рассуждал Виктор о сложившейся ситуации, и хоть выглядел он в ней не очень хорошо и не вполне этично, зато более или менее спокойно.

А чтобы его вообще было трудно достать, он решил раз и навсегда покончить со старыми формальностями, поэтому ЧП Луденчук было заброшено, и из старой коммуналки Виктор съехал за город, арендовав небольшой частный домик. Свою бывшую возлюбленную Зою он бросил, из-за чего она пыталась покончить жизнь самоубийством, однако бог миловал, и она осталась жива.

Украденных денег ему опять хватило ненадолго, тем более его новая пассия Наташа тоже любила шикануть. Это заставило Виктора судорожно придумывать, где бы ему еще пожить, и выход был найден. Он был прост, как черенок лопаты. К тому времени появилась новая тема – банковские кредиты. Так как Виктор сам не мог получить кредит, то он сделал это через подставных лиц, и кредитовался он ни где-нибудь, а в Сити-банке, избаловавшем город обилием своих филиалов. На аферу с подставными людьми Романовский, честно говоря, не очень надеялся, но и попыткой такой не пренебрег. Каково же было его удивление, когда из банка пришел положительный ответ на запрос о получении максимальной на ту пору суммы кредита – семисот пятидесяти тысяч рублей, что в долларовом эквиваленте составило около тридцати тысяч «зеленых».

Такой суммы сразу ни он, ни его новая подруга никогда не держали в руках. Виктор на радостях чуть было не лишился рассудка от новой добычи и, потеряв контроль над собой, заделал своей Наташе ребенка, из-за чего ей впоследствии пришлось сделать аборт.

А потом в его жизни появился новый друг Вадик, с которым он познакомился как-то между прочим, невзначай, в ходе маленького банкета в кафе у Финляндского вокзала. Вадик тут же, не отходя от темы, как только узнал про кредит и про деньги, имеющиеся у Виктора, предложил вложить их на паях в предприятие со звучным названием «XXI век», на что Романовский с радостью согласился, почему-то поверив сразу же парню с такими честными глазами.

– Мы с тобой сработаемся, – манерно улыбаясь, произнес тогда Виктор и тут же потребовал у официанта счет.

Действовать новые компаньоны начали уже на следующий день. Удача им улыбалась своей широкой улыбкой, а потому бывшего директора им удалось вытеснить с производства и, по сути, захватить контору, что было крайне удивительно для нового времени.

Виктор вместе с Вадиком гордо осматривал доставшееся им в наследство производство, не на шутку чувствуя себя воротилой мясного бизнеса, и откровенно радуясь удачно разыгранной партии. Однако радость была недолгой, потому что все опять пошло не так, как ему хотелось. Производства он не знал, да и не пытался вникнуть в эти процессы, относясь к категории людей, которые убеждены в том, что на них должен работать кто-то другой, причем за гроши. Виктор никак не ожидал, что его денежки разойдутся и растворятся так быстро и легко, потому как сразу же пришлось платить за аренду помещений, рассчитываться огромными суммами за полученный в кредит товар, выплачивать зарплату рабочим, да вдобавок ко всему – отдавать сам кредит. В общем, полная засада, да и только.

В итоге Романовский плюнул на всех своих кредиторов, не обойдя своим пренебрежением и банк, и теперь его разыскивали и мелкие кредиторы, и курятники, и представители службы безопасности банка. И каждый из них мечтал разделаться с этой сволочью по-настоящему, потому что все они пострадали каждый по-своему от действий этого бессовестного недоумка.

Особенно злы на него были курятники, потому что именно им у себя на родине пришлось рассчитаться за нечестную игру со стороны Виктора всем своим имуществом. Их было двое, и они поклялись убить Виктора, как только его достанут. Они, забросив все свои другие дела, посменно находились в Питере, занимаясь поисками Романовского, и вскоре им это удалось. За старание и терпение судьба подарила им эту встречу. Они, подобно милицейским ищейкам, упорно шли по следу, тщательно проверяя каждый адрес, где можно было столкнуться с Виктором.

Первой их весомой находкой на своем нелегком поисковом пути был пенсионер Луденчук, с которым они беседовали около двух или трех часов, но добиться так ничего и не смогли, потому что бедняга на самом деле не знал, где искать того, кто его так подставил. Не знала этого и бывшая подруга Виктора Зоя, которая несколько дней назад вышла из больницы и всеми силами пыталась его забыть, выкинуть из памяти окончательно.

– Ты только скажи, где его искать, а мы уж сами все сделаем, как надо, – убеждали девушку кредиторы.

– Ну не знаю я! – плакала Зоя, по-детски всхлипывая.

Она еще не научилась сдерживать слезы, которые от обиды и недавних переживаний обильно текли по ее щекам.

– Ты скажи нам, а мы уж и за тебя посчитаемся, – уверяли ее парни. – Он за все ответит.

Но девушка только разрыдалась в ответ. Убедившись, что эти двое действительно ничего не знают о местонахождении Романовского, кредиторы оставили их в покое.

Белорусским парням срочно надо было что-то придумывать, чтобы разыскать должника. Они уже выходили из коммунальной квартиры, где только что имели возможность побеседовать с теми, кто, по их мнению, мог навести их на след неуловимого беглеца, уходили ни с чем, попутно теряясь в догадках, где искать Романовского, как уже на самом выходе их практически нагнала еще одна жительница коммуналки.

– А вы, я слышала, Виктором интересуетесь? – спросила женщина, глядя в упор на двух расстроенных парней. – Это так?

– Да, это так, – ответил один из них. – Но никто в этом мире почему-то не желает или не может нам помочь. Никто не знает, где он.

– Так вы не у тех интересуетесь, – улыбнувшись загадочно, произнесла женщина. – Василий Семенович действительно ничего не знает. У него вообще трудно чего-либо добиться. С его дырявой головой это немудрено. Он даже порой забывает, как его самого зовут, а вы у него спрашиваете, как найти другого человека. Старый он, да со склерозом.

Женщина придвинулась к ним ближе и произнесла заговорщицким тоном:

– А вообще он – старый маразматик. Гадит только везде, а мы за ним убираем. А Зоя с ума сдвинулась после всей истории, так что тоже вряд ли чем сможет вам помочь.

Парни от удивления, заставившего их обоих на время потерять дар речи и способность трезво рассуждать, нерешительно остановились в дверях. Женщина, отметив, что ее слова произвели на молодых людей должное воздействие, продолжила:

– Меня зовут Маргарита Семеновна. А вы, я так поняла, из органов. Ну что же, тем лучше. Я сразу же заподозрила его, как только он вселился в квартиру. Нигде не работал, а деньги были. Вот как это так может быть? Я так сразу и поняла, что тут дело нечисто. За город он съехал, в Ольгино, а вот адреса я точного не знаю. Но найти его там будет нетрудно. Поселок небольшой, остановки автобуса и электрички совсем рядом друг с другом. Сыщете, я не сомневаюсь. И еще, он как-то приезжал сюда, уговаривал Зою поехать с ним, а она не захотела. Визитку свою оставил.

– А где визитка? – спросили парни в один голос.

– Да вот она, – Маргарита Семеновна протянула ее кредиторам.

Парни не верили своему счастью, не могли поверить ни ушам, ни глазам. Это был действительно подарок судьбы. Старший из них взял в руки визитку. Да, действительно, это была визитка их клиента, и на ней витиевато был изображен логотип компании «XXI век», а самое главное, после вытесненных слов «Романовский Виктор Александрович» были написаны телефоны и адрес предприятия.

– Вот, возьмите, – старший протянул женщине сторублевую купюру.

– А вот этого не надо! – категорично заявила Маргарита Семеновна. – Если что, обращайтесь. Всегда рада помочь.

– Спасибо вам, Маргарита Семеновна, – сказал младший из парней.

– Спасибо, – произнес старший и, обняв женщину за плечи, поцеловал ее в щеку.

– Не за что, – ответила женщина. – Вы уж поймайте его, негодяя.

После этого Маргарита Семеновна захлопнула входную дверь и закрыла ее на ключ изнутри, оставив благодарных парней наедине с визиткой Виктора и посетившим их обоих в тот миг чувством победного облегчения, выплеснувшего в их жилы изрядную дозу адреналина. Кровь стучала в висках от свалившейся удачи и от ясного проблеска появившейся надежды. Через минуту парней в подъезде не было.

Однако Виктор всего этого не знал. Да если бы и знал, то вряд ли бы изменил свое отношение к предметам и явлениям. Он к тому времени настолько убедился в своей недостижимости, что считал свое положение неприступным, как крепость. Ему было невдомек, что кто-то его упорно разыскивает, и старательно ищет с ним встречи. Виктор был поглощен своей новой жизнью и своим новым статусом, позволявшим ему, как он считал, поглядывать несколько свысока на тех, с кем раньше он предпочитал не ссориться.

Завод Алмаз, где Виктор арендовал площади своего нового предприятия, был режимным, с круглосуточной охраной на главном входе и всех остальных КПП. Правда, охрана была смешная, но все равно была, поэтому ее наличие придавало чувство относительной безопасности. Да плюс ко всему, спокойствие обеспечивалось возвращаемыми кредиторам деньгами,

особенно первые два-три месяца, пока был жив банковский кредит. А самой главной гарантией спокойствия было то обстоятельство, что о новом местонахождении Виктора знали единицы.

К лету Виктор успокоился окончательно, поверив в безнаказанность любых своих действий, и стал попросту грубо отшивать от себя всех тех, кто еще поддерживал с ним контакт в надежде получить свои деньги. Основная масса его кредиторов плюнула на затею получить свое от этого ничтожества, так как поняли, что он настолько паршив, что даже клочок шерсти с него не взять.

Глава 4. Своя рубашка ближе к телу, или появление новых персонажей

Однако Виктор и предполагать не мог, что из всего контингента его кредиторов, из славной когорты доброй сотни людей все-таки найдутся такие, кто не успокоится и постарается вернуть если не деньги, то хотя бы свое доброе имя, наказав зло в его лице. Таковыми были двое белорусских парней, да еще банковские ищейки, которым за их работу исправно платили деньги. Они-то первыми и вышли на Виктора.

Задание для них было простое: для начала его основательно попугать, даже можно было слегка помять, применив грубую физическую силу, а затем доставить в отделение милиции, где из него уже нашими, проверенными десятилетиями методами, на совершенно законных основаниях, выудили бы всю необходимую информацию вместе с деньгами, если таковые имеются. Главное в их деятельности заключалось в том, чтобы после всех специальных мероприятий клиент уже даже и не помышлял игнорировать их банк и принял бы усилия для скорейшего погашения задолженности. Если бы Виктор оказал сопротивление и поставил бы под угрозу здоровье и жизнь самих ищеек, им в таком исключительном случае было дано право применить табельное оружие, предоставив в офис необходимые доказательства. И если бы таковое произошло, то его долг гасили бы другие, те, кто и понятия не имел, что был такой Виктор Романовский, и что именно из-за него другим клиентам банка приходится теперь платить несколько больше, покрывая и материальный и моральный ущерб, нанесенный руководству банка одним из их бывших клиентов. Одним словом, банк в прогаре не будет никогда, пока есть те, кто в нем кредитуются.

Для начала банковские сыщики вышли на подельника Виктора – Вадима.

Вадим Талызин, как и многие предприимчивые люди нашего беспокойного времени, всегда искал возможность выйти на другой уровень бизнеса. Он понимал, что простой перепродажей чужого товара этого достичь нельзя, тем более, сейчас, когда стали развиваться сетевые торговые супермаркеты. Они вторглись во все районы со своими лозунгами и своим напором, и в них было главное преимущество перед всеми остальными – это низкие цены, более низкие, чем в маленьких магазинчиках. И со временем розничная торговая точка Вадима по объективным причинам стала задыхаться, вытесняемая новыми сетевыми гигантами, увеличивающими свою численность в геометрической прогрессии и завоевывающими новые территории.

Выход из сложной ситуации подсказала сама жизнь: надо было заняться производством, став производителем ходового товара, который можно сбывать в те же сетевые магазины. Вот только создавать новое производство слишком накладно, а потому Вадим решил найти уже действующее предприятие и для начала приступить к покупке его акций, и только потом, выкупив на определенном этапе контрольный пакет, предъявить свои права. Ему помогло в осуществлении планов шаткое положение одного мясного производства, которому понадобились срочно деньги на покрытие банковского кредита. Эти деньги директору и занял Вадим, а затем путем жульничества он вместе с Романовским стал владельцем ООО «XXI век».

Банковские сыщики отловили его в тот момент, когда он собирался на своем джипе таранить пространство и время после рабочего дня. Он, ничего не подозревая, сел в свою машину и даже не успел понять, как и почему рядом с ним на пассажирском сидении оказался незнакомый ему человек.

– Не дергайся, парень, если хочешь жить! – прошипел незнакомец Вадиму в самое ухо, а кто-то другой, оказавшийся почему-то в этот миг сзади, накинул на шею Вадика удавку, отчего в зобу дыхание сперло, а в глазах замелькали белые мошки.

– А теперь спокойно заводи машину и поехали, – скомандовал тот, кто был на соседнем сидении. – И без глупостей, а то придется тебя огорчить.

У Вадима выбора не было, и он не посмел не повиноваться. Он вставил ключ в замок зажигания и завел мотор, а затем, следуя приказам похитителей, послушно нажал на газ.

Площадка у самых ворот завода была практически безлюдной, а потому на инцидент никто из редких прохожих не обратил никакого внимания.

– Не надо так гнать! – скомандовал тот, кто сидел рядом с водителем. – Сейчас сверни за угол и метров через двадцать останови машину. Поговорим.

Через минуту похитители со своей жертвой были в указанном месте. Пассажир, который находился рядом с водителем, произнес:

– Во-первых, расслабься, никто не собирается тебе причинять какого-либо вреда. Поэтому, если ты заинтересован в мирном разрешении возникшей ситуации, тогда сиди и слушай.

Это немного успокоило Вадима, однако сердце в его груди бешено колотилось, разгоняя по жилам кровь большими порциями. Он не знал, что это за люди и что им от него надо, поэтому, набравшись смелости, спросил:

– Я так понял, или я ошибаюсь, что вы все же не по мою душу?

– Ты верно все понял, – ответил тот, кто был рядом. – Мы совершенно за другим человеком. Но ты по незнанию можешь наделать лишнего шума, а потому попадешь под раздачу. А нам бы этого не хотелось.

Незнакомец сделал небольшую паузу, а затем продолжил:

– Мы за твоим компаньоном и подельником. Ты же знаешь, что совсем недавно у него были деньги, без малого двадцать восемь тысяч долларов, что позволило ему вместе с тобой войти в акционеры компании «XXI век». Затем вы вместе с Романовским выжили старого директора со своего места. Кстати, не без нашего участия и помощи. А теперь вдруг Виктор решил не платить больше банку, а это уже нехорошо, это уже пахнет криминалом, беспределом попахивает. Виктор не выполняет своих обязательств по договору, и ты в данной ситуации являешься соучастником этого преступления. Нехорошо!

Преπειраться было глупо. Вадим понял, что и о нем, и о Викторе этим людям известно если не все, то почти все.

– Да, знают свою работу, – подумал он, а вслух спросил. – Так что от меня требуется?

– А требуется немного, – продолжил незнакомец. – С завтрашнего дня ты исчезнешь из города на недельку. Бери свою подругу, ее, кажется, Светой зовут, и дуй к себе на дачу. Отдохни. Работников предприятия предупреди, что контора закрыта ровно на неделю, что все уходят в оплачиваемый недельный отпуск. Если сделаешь все, что тебе говорят, то через неделю снова спокойно приступишь к работе. Иногда перерывы нужны, а в твоём случае этот перерыв крайне необходим. Все понятно?

– Все! – ответил Вадим.

– Вот и молодец! – сказал незнакомец. – Только Виктору – ни слова! Понял?

– Да, я все понял.

– Ну, тогда пока, – с этими словами парни вышли из машины.

Вадим посидел несколько минут в нерешительности, не веря собственным глазам и ушам. Потом он обернулся, но никого не увидел. Парни исчезли так же незаметно, как и появились. Начался дождь. На крышу машины, капот и стекла стали капать первые крупные капли сначала редко, потом чаще, а потом дождь забарабанил всерьез, заслонив белесой пеленой все вокруг. Стало смеркаться. Поняв, что делать здесь больше нечего, что все, что надо ему знать, он узнал, Вадим снова завел машину и, развернувшись, выехал на перекресток. Проезжая мимо маршрутки, стоявшей одиноко на автобусной остановке, он заметил в ней сидящего Виктора, увлеченно беседующего с кем-то по телефону. Вадим надавил на педаль газа сильнее, чтобы его, не дай бог, не заметил тот, за кем приехали незнакомые ему серьезные люди.

– Пошел ты к чертовой бабушке! – зло подумал Вадим о Викторе и его проблемах и вовсе отключил свой мобильный телефон, чтобы его никто не мог достать.

Он не стал возражать против наезда на компаньона, трезво рассудив, что нет никакого смысла рисковать ради Романовского, который успел изрядно надоесть и ему.

Уже дома он сложил самые необходимые вещи в машину, взял деньги из домашнего сейфа с собой, подумав попутно, что хорошо, что еще вчера снял всю наличность и увез с предприятия, а не положил в банк, как собирался сделать до этого. А еще через пятнадцать минут джип увозил Вадима вместе с деньгами и вещами за город, на дачу.

– Надо и там вырубить телефон, – пришел к искрометному умозаключению Вадим, внезапно вспомнив о стационарном дачном номере. – А то мало ли что.

Глава 5. Что посеешь, то и пожнешь

– Надо же, кретин, считает, что его никто не видит, – усмехнувшись, произнес высокий стройный парень в строгом черном, идеально отутюженном костюме, белой рубашке, галстуке и начищенных черных туфлях, который в бинокль наблюдал за Виктором, а заодно рассматривал все то что происходило на платформе и за ее пределами.

Слова эти адресованы были его напарнику, который вместе с ним находился в припаркованном у железнодорожной платформы Ольгино черном «Мерседесе».

– Да ладно тебе, Паша, – ответил напарник, так же аккуратно и стильно одетый. – Ты главное не упусти это ничтожество. А то и так за ним пришлось гоняться столько времени. А он даже и не догадывается. Интересно, куда это он так засобирался и почему буквально прокрадывался к платформе?

– Выясним, но позже, – ответил Павел. – О, смотри, да он точно в Питер намылился. Саша, я же говорил тебе, что его кто-то спугнул. Но кто? Неужели Вадим? Неужели этот дятел так и не понял, с кем дело имеет? Смотри, он даже в вагон от волнения войти не мог нормально. Явно чего-то испугался. Заводи, поехали за электричкой. Надо на соседней станции зайти в вагон.

С этими словами Александр повернул ключ зажигания. Мотор послушно загудел, а потом машина, управляемая профессионалом-водителем, выскочила на трассу и понеслась на огромной скорости в направлении города, обогнав электропоезд и оставив его далеко позади.

Люди в черном успели доехать до следующей платформы гораздо раньше, чем туда же прибыла электричка, в которой находился тот, кто им был нужен. Уже у платформы из автомобиля вышел Павел. Он накинул на себя длинный черный плащ, аккуратно застегнул его на все пуговицы, завязал пояс и проследовал к платформе. Его напарник Александр наблюдал за тем, как Павел поднялся по бетонным ступеням на платформу и стал напротив того места, где по всем расчетам должен был остановиться третий вагон, в котором ехал Романовский, крепко задумавшийся над своим теперешним положением.

Электричка прибыла строго по расписанию и остановилась. Двери третьего вагона, куда собрался зайти Павел, оказались прямо перед ним. Автоматика распахнула их, и человек в черном зашел в вагон, однако Виктор Романовский не обратил на вошедшего никакого внимания. Через несколько секунд поезд тронулся, а Павел достал свой мобильный телефон и набрал нужный номер.

– Он здесь, – констатировал он. – Действуй, как и договорились.

– Понял тебя, – Александр разъединил связь и, убрав телефон во внутренний карман пиджака, снова завел машину.

Через минуту он выехал на трассу и поехал по направлению к городу. Он, как и было решено, сначала догнал электропоезд, а потом, поравнявшись с ним, поехал параллельно движущейся электричке. Это было необходимо, потому что никто не мог гарантировать, что их объект не передумает и не выйдет из поезда раньше. Люди в черном были настоящими профи, а потому каждый свой шаг продумывали наперед, и у них получалось все, как у гроссмейстеров за шахматной доской, когда все ходы и все возможные варианты действий просчитаны до мелочей, и именно поэтому их отлаженный механизм действий не давал сбоев.

Виктор, как и предполагали преследователи, благополучно доехал на электропоезде до станции Старая деревня и вышел из электрички. Народу на перрон выскочило много, поэтому Павлу пришлось сократить расстояние до объекта, чтобы не потерять его из виду, но делал он это очень грамотно, а потому заметить слежку за собой Виктор не смог бы ни при каких обстоятельствах. Зато близость до объекта, практически на расстоянии вытянутой руки, позволила Павлу хорошо рассмотреть Романовского. У того на физиономии буквально отпе-

чатались сильнейшие переживания, о которых банковские сыщики не знали, да и не задумывались особо. Они просто выполняли свою работу. Им надо было довести объект до опустевшего и осиротевшего предприятия, а там, уже на месте, войти с ним в контакт и сделать свою работу, сделать качественно и аккуратно.

Тем временем Виктор пробивался к метро через толпу прибывших на станцию людей. Он опасливо оглянулся несколько раз, пытаясь разглядеть возможных преследователей, но ничего подозрительного так и не увидел. Люди, заполнившие все пространство бетонной платформы, никакого внимания на Виктора не обращали. Каждый из них был занят своими проблемами. Часть народа в спешке перебежала на противоположную сторону, успев проделать это до того, как электропоезд отправился дальше, издав на прощание протяжный громкий гудок, оглушив всех на несколько секунд своим резким свистом.

Виктор переждал, пока мимо пронеслась электричка, а затем продолжил свой путь к станции метро.

Повсюду кипела жизнь. В многочисленных торговых точках, расположенных в непосредственной близости у метро, бойко шла торговля всякой всячиной, однако переплюнуть по количеству покупателей новый торговый центр с детским названием «Гулливер» эти вместе взятые точки не могли.

Обычно Виктор хоть на минуту забежал в «Гулливер», чтобы повздыхать и позавидовать этому гиганту. О таком комплексе можно было только мечтать, что втайне и делал Виктор, понимая, что таких денег ему, наверное, не раздобыть никогда. Потом он выходил из автоматически открывающихся дверей торгового центра и скрывался в метро вместе с другими, такими же, как и он, пассажирами.

Сегодня все было по-другому. Виктор не стал заходить в гигантский торговый комплекс, так ему полюбившийся своим масштабом, размахом, самой идеей гигантизма. Он пробежал мимо, даже не взглянув в его сторону ни разу. Голова Виктора к этому моменту была занята совсем другими мыслями, а уж чувства, которые его наполняли, напомнили ему в красках те времена, когда он поспешно сбегал в другой город из столицы, сбегал надолго, сбегал, бросив все, только бы успеть убежать, надежно скрыться, чтобы его никто не мог найти при всем желании.

– Хорошо, что есть жетоны! – подумал Виктор, в спешке окинув взором большую очередь в кассы.

Он спешно пробежал мимо толпы и, опустив свой жетон в специальное отверстие в турникете, зачастил на своих коротких ногах вниз по эскалатору. Идущий за ним по следу Павел пропустил вперед себя двух таких же бегунов, а сам пристроился третьим в колонне. Так он не упускал из виду объект, и сам оставался все время незамеченным.

Виктор заскочил в вагон электропоезда, двери закрылись, и подземная электричка понесла его на нужную станцию. Этой станцией была станция Крестовский остров. Именно с нее было удобнее всего добираться до завода.

– Крестовский остров, – прозвучал голос из динамика.

Виктор торопливо покинул вагон и направился к выходу. Он спешил поскорее добраться до места работы, где он мог немного передохнуть после сегодняшних переживаний, а заодно обдумать, как быть дальше. Выйдя из метро, он сразу же поймал машину, которая повезла его в направлении завода. Он обернулся пару раз, но хвоста за собой не обнаружил. Доехав до самой проходной, Виктор вышел из машины, расплатился с водителем, а затем исчез за железными воротами, казавшимися со стороны такими непреступными.

Тем временем у ворот остановилась еще одна машина. Это был черного цвета «Мерседес». Когда Романовский вошел на территорию завода, двое людей в черном, и пассажир, и водитель дорогой машины, тоже вышли из автомобиля и направились в сторону контрольно-пропускного пункта №2, где контроль был не таким серьезным. За столом в поме-

щении КПП сидел охранник, пожилой мужчина, и сладко дремал, утомленный однообразием развернутого перед его очами пейзажа. Было довольно скучно и спокойно, потому он и задремал невинно, как это обычно бывало после приема пищи. Это кратковременное забвение позволило ему прозевать тот момент, когда мимо него на территорию охраняемого им объекта прошли два незнакомых человека. Парни, проходя через контрольно-пропускной пункт, усмехнулись, увидев беззаботно спящего сторожа. Его сон им был на руку, потому что он помог решить самую главную проблему без труда: вахтера не пришлось усыплять. Они бесшумно пересекли небольшой коридор и, открыв дверь, оказались во внутреннем дворе завода. На территории предприятия им удалось побывать заранее, а потому они прекрасно ориентировались в лабиринте домов, домиков, ангаров и сараев, безошибочно определяя, в какую сторону следует идти.

Виктор же тем временем прибыл в офис. Путь туда лежал мимо цеха, где обычно выполняли свои нехитрые действия рабочие предприятия, которые на специальном оборудовании коптили мясо, а другие работники, называемые водителями-экспедиторами, развозили готовую продукцию по торговым точкам для продажи. Надо сказать, что особого шума на предприятии не было никогда, а сегодня и вовсе было тихо, как бывает только в помещениях закрытого типа, где в данный момент никого нет. Это напарник Виктора Вадим сделал все, что от него потребовали двое незнакомцев, предупредив лично всех рабочих о краткосрочном оплачиваемом отпуске, а потому предприятие пустовало, но Виктор не заметил этой необычной тишины. Более того, он даже не удосужился заглянуть в цех, как это делал обычно, чтобы поприветствовать тех, кто в нем трудился, чтобы немного пообщаться с рабочими, обсудить дела производственные и личные.

Сегодня Виктору было не до лирики и не до разговоров. Он просто не придавал значения всему тому, что этим утром было так непривычно глазу и уху, а потому, поднявшись наверх, Виктор достал ключ от кабинета, отомкнул замок и прошел внутрь. Он зажег машинально свет, нажав на входе выключатель и, устроившись удобно в глубоком кресле, попытался настроиться на рабочий лад. Это потребовало немалых усилий, потому что мысли скакали и разбегались непослушно в разные стороны, они торопили его, как будто бы хотели предупредить о надвигающейся опасности. Наконец, Виктор сумел сосредоточиться и заняться подсчетом суммы денег, украденных им в своей собственной компании. Каково же было его удивление, когда, открыв сейф, он там ничего не обнаружил. Выходит, его путешествие было напрасным, и в офис можно было не ехать.

– Как же так? – тихо проговорил он себе под нос. – Почему же Вадик мне ничего не сказал?

И тут его осенило, он вдруг вспомнил, что его компаньон как раз сегодня должен был отвезти деньги в банк. Именно поэтому он и выгреб содержимое сейфа полностью, до последнего рубля, не оставив там ничего. Виктор лихорадочно схватил свой мобильный телефон и набрал номер Вадима.

– Абонент вне зоны действия сети, – услышал он механический голос, записанный для подобных ответов на цифровой носитель.

– Вот черт! – в сердцах произнес Виктор, начиная злиться теперь уже на Вадика. – И где тебя носит?

Он набрал номер еще раз, механический голос совершенно равнодушно ответил ему той же фразой, а потом телефон замолчал, и дисплей погас. Это кончился заряд батареи, оставив Виктора без мобильной связи. Тогда Романовский схватился за обыкновенный телефон и, уже было набрал домашний номер Вадима, но буквально в следующую секунду повесил трубку.

– А стоит ли ему домой звонить? – подумал Виктор. – Его наверняка дома нет. Что же делать?

С этим вопросом он погрузился в невеселые раздумья, решая, как ему поступить теперь и что предпринять, потому что без денег ему оставаться не хотелось и вовсе, а чтобы легче думалось, Виктор стал на листе бумаги чертить незамысловатые фигуры в форме треугольников, прямоугольников и квадратов.

Он так увлекся этим нехитрым занятием, что не сразу заметил, как к нему в кабинет кто-то зашел.

– Ну, наконец-то, Вадик приехал, – облегченно вздохнув, подумал Виктор, поднял глаза и чуть не умер от страха на месте, узнав вошедшего человека.

Это был Валентин – его куриный кредитор, с которым он общался, когда подписывал договор поставок куриного мяса и кого в свою очередь боялся больше всего. Глаза Виктора забегали, как у провинившегося школьника, который только что украл у одноклассника брелок, но кража раскрылась. Надо было что-то придумывать, чтобы выкрутиться из сложившейся ситуации.

Виктор сделал вид, что он не узнал вошедшего, а потому очень неуверенно, пытаясь придать искренность в голосе, спросил:

– А вы, собственно говоря, к кому?

– А я, собственно говоря, к тебе! – спокойно ответил Валентин. – Я за долгом.

С этими словами он сделал шаг к столу, за которым сидел Виктор, смахнув по дороге кипу каких-то бумаг.

– Вы дотронулись до моих документов! – фальцетом завизжал Виктор. – Я на вас заведу уголовное дело.

– Нет! – сказал Валентин, покачав головой. – Ты совсем от рук отбился!

Больше не говоря ни слова, он нанес Романовскому удар кулаком правой руки в левое ухо. Голова Виктора неестественно дернулась, и весь он, повинувшись жесткой динамике полученной оплеухи, завалился правым боком на стол. Сознания при этом он не потерял, но, испугавшись нового удара, сполз на пол и на четвереньках зачастил к входной двери, единственному выходу из западни, потому что окон в помещении не было.

– Ты куда? – спросил Валентин и смачно ударил ногой Виктора под зад.

Ботинок у него был остроносый, с прибитой к носку маленькой железной подковкой, поэтому штаны Виктора лопнули от удара по шву, оголив пухлые белые ягодички. Виктору было очень больно, отчего он завизжал, как поросенок на бойне, а затем вскочил на ноги и, держась за ушибленное место руками, метнулся к заветной двери, на счастье не запертой, и далее, прыгая по лестничным ступеням вниз, помчался к спасительному выходу из разделочного цеха. Однако там, внизу, у самого выхода его ждало новое разочарование в лице второго обокраденного курятника.

Вооружившись бейсбольной битой и предварительно закрыв за собой входную дверь, тот поджидал свою жертву с терпением хищника, вышедшего на охоту в прерии или саванне.

Увидев его, Виктор побежал обратно в цех, надеясь там где-нибудь укрыться от своих преследователей, затеряться среди хаотично расставленного оборудования. Только теперь он обнаружил, что в цеху, да и вообще на территории предприятия никого не было. Он был один! Один на один с внезапно настигшим его возмездием, от которого не было никакого спасения, ибо бежать было некуда.

Виктор, тяжело дыша, притаился в дальнем углу цеха, за старым, списанным и отслужившим свой век разделочным станком, расположившись на четвереньках у кучи производственного мусора, рядом с которым стоял уборочный инвентарь.

Преследователи видели, где спряталась их жертва, но раскрывать свое знание не спешили.

– Рано или поздно мы его найдем и выпотрошим, как бройлера, – чеканя каждое слово, железным голосом произнес Валентин. – Деваться ему некуда!

Далее курятники методично стали прочесывать всю площадь цеха, причем делали они это очень грамотно и довольно шумно, переворачивая на своем пути все, что только можно было перевернуть, наводя тем самым на Виктора смертельный страх, от которого у него стучали зубы, выбивая морзьянку. Всем своим нутром он понимал, что еще немного времени, и он попадет в неведомую ему карусель уготованных издевательств. Бежать было некуда, преследователи с каждым шагом приближались, и Виктор, подняв руки вверх, решил сдаться на милость победителей.

– Давайте поговорим, – дрожащим голосом предложил он курятникам.

Те слушать не стали и для начала ударили его битой по пояснице, отчего Виктор свалился на кафельный пол с выщербленной плиткой, как подкошенный, издав душераздирающий вопль от пронзившей его резкой боли.

Наконец-то мечта двух белорусских парней стала явью. Тот, кого они с таким упорством разыскивали, был теперь на полу перед ними, поверженный и жалкий.

– Картинно упал, ничего не скажешь, – произнес Валентин. – Главное, что правдоподобно.

– Артист, – поддержал друга Кирилл. – Голливуд отдыхает. И что теперь будем делать?

– Свяжем его для начала, а там посмотрим, – предложил Валентин. – Может, утюгом воспользуемся, если найдем.

– А он, похоже и на самом деле вырубился, – предположил Валентин далее, посмотрев на притихшего должника, после чего наклонился над Виктором и потряс его за плечо.

Тот лежал, не шелохнувшись, не открывая глаз и не подавая признаков жизни, и только грудь слегка вздымалась при вздохе.

– Так и есть, вырубился. Но ничего, оклемается. Самое главное, что жив, – констатировал неоспоримый факт Валентин.

Затем он распрямился и сказал, обращаясь снова к Кириллу:

– Ты вот что, пойди веревку раздобудь какую-нибудь, а я пока покараулю, чтобы он, чего доброго, не сбежал.

Валентин как в воду глядел: только Кирилл отошел в сторону, как Виктор ожил и резко вскочил на ноги, проявив всю прыть, на которую только был способен. Оказывается, все это время он всего-навсего искусно притворялся, что потерял сознание, а на самом деле, просто выжидал удобного момента, чтобы попытаться снова убежать. План был прост: оттолкнуть Виталия, сбить его с ног и успеть добежать до входной двери с торчавшим в замочной скважине ключом. Если бы Романовскому удалось это сделать, то дальше оставалось бы только захлопнуть за собой дверь и, повернув пару раз ключ в замке, помахать мстителем на прощание ручкой.

Первое действие ему удалось без сучка и задоринки. Виталий от неожиданного резкого толчка буквально отлетел в сторону и упал, выронив из рук битую, а вскочивший на ноги Виктор тем временем помчался к дверям с такой скоростью, что даже Кирилл, бросившийся на перехват, не успел бы его настичь вовремя. Виктор уже видел себя спасенным и испытывал победные чувства, схожие с теми, которые испытывал барон Мюнхгаузен, когда счастливо вытащил сам себя из болота за волосы, однако пред самой дверью ему не повезло. Левая нога заскользила на гладком кафеле в тот момент, когда он оббегал огромную металлическую емкость, наполненную до самого верха какой-то мутной жидкостью. Схватиться руками за что-нибудь, чтобы сохранить равновесие, не удалось, а потому Виктор, нелепо дернувшись, потерял равновесие, упал и со всего маха ударился головой об острый край посуды. Даже изда- лека был слышен какой-то хруст.

Когда белорусы подошли к месту трагедии, то окончательно убедились в том, что на этот раз их клиент подняться и убежать уже не сможет. Виктор был мертв. Очевидно, он сломал себе шею, ударившись со всей силы головой об металлический край зазубренной конструкции.

Кредиторы не ожидали такой быстрой развязки и подобного окончания всей этой истории, а потому какое-то время стояли в нерешительности и в полной растерянности. Одно было ясно, как белый день, что денег своих они уже не получат никогда, потому что тот, кто им был должен, рассчитался по самой высокой цене. Парни молча смотрели на тоненькую струйку алой крови, вытекшей из ранки, и не знали, что теперь делать. Наконец, замешательство прошло, и способность адекватно соображать к ним вернулась.

– Виталик, пойдем отсюда, – тихо предложил Кирилл.

– Пойдем, дружище, – поддержал своего друга Виталий. – Сам господь не дал нам замарать руки об это ничтожество. Так-то он рассчитался за все, что сделал.

Парни еще немного постояли, не двигаясь с места, а затем молча вышли из только что разгромленного ими цеха, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 6. Заключительный аккорд

– Вот это да! – произнес один из парней в аккуратном черном костюме. – Конкурирующая фирма оказалась на высоте! Молодцы!

Все это время он со своим товарищем находился неподалеку, а потому они вдвоем видели всю произошедшую картину. Увиденное, при всем притом, что были они людьми искушенными и повидали в жизни многое, их потрясло до глубины души.

Дело в том, что в цех они попали раньше этих двух пришельцев, а потому приход неизвестных персонажей их несколько обескуражил.

Когда в цеху появились еще какие-то люди, которых никто не приглашал на разборки, парни в черном замерли и на всякий случай притаились в темном коридоре у самой стены. Сначала они подумали, что кто-то из рабочих все же прибыл с опозданием на работу, что срывало их собственные планы, но они ошиблись.

Это были, так сказать, конкуренты, третья, незнакомая им сторона, поэтому им ничего не оставалось, как просто наблюдать за дальнейшим развитием событий, оставаясь незамеченными, а для оправдания своего вынужденного бездействия и для страховки они записали все произошедшее на видео для отчета перед теми, кто им платил деньги.

Когда белорусы ушли, хлопнув на прощание за собой дверь, парни в черном вышли из своей засады. Приблизившись к месту трагедии, они опять отсняли труп Виктора в различных ракурсах.

– Главное – чтобы на пленке было хорошо видно, что это именно наш объект, – произнес Павел.

Закончив съемку, они выключили камеру и тихо удалились, растворившись, точно призраки, в нависшей тишине зловещей картины.

Если бы эти парни могли видеть путь души того, кто только что прекратил свой земной путь, то они по-настоящему были бы обескуражены. Они могли бы проследить за тем, как аморфный Виктор вылетел из своей земной оболочки, ставшей ему тесной, а самое главное, бесполезной, как он сначала завис над тем местом, где осталось лежать его бывшее тело, а затем, немного покружив вокруг, стал подниматься в небо. Он еще пытался что-то сказать тем, кто был с ним в его последние минуты, пытался до них докричаться, но как ни старался это сделать, у него ровным счетом ничего не получилось. Его просто никто не слышал и не обращал никакого внимания на все потуги его нового образования, которое, покинув помещение цеха, взлетело над зданием. С высоты своего полета Виктору было видно, как парни в черном подошли к проходной и, исчезнув на несколько секунд за дверями, появились снаружи. Они подошли к своей машине и, усевшись в нее, направили свой путь прочь от завода «Алмаз». Виктор, поднявшись еще выше, покружил немного над автостоянкой и прилегающей дорогой, но как ни пытался высмотреть своих мучителей, сделать этого не смог. Их нигде не было.

Виктор вдруг почувствовал, что ему абсолютно все равно, где они сейчас, да и все остальное на земле почему-то перестало его интересовать. Он поднял глаза к небу и стал стремительно подниматься туда, где бывать ему еще не приходилось. Он постепенно достиг белых, как лебединый пух, облаков и когда нырнул в одно из них, земля исчезла с поля зрения. Потом он взлетел над ними и понесся дальше, все время ускоряясь. Ему стало казаться, что он мчится на огромной скорости по какому-то мрачному коридору, но это было небо, черное, сплошь усеянное яркими звездами. Вокруг было так красиво, что дух захватывало. Он обернулся в поисках солнечных лучей, с которыми не хотел расставаться, но солнца нигде не было видно, и только тени, чьи-то тени заполнили вдруг все пространство вокруг него. Виктор внимательно присмотрелся, и чуть не закричал от ужаса. Это были не тени, это были такие же аморфные тела незнакомых ему людей, мужчин в строгих черных костюмах, и женщин, облаченных в длин-

ные белые балахоны до самых пят. Все они смотрели на Виктора абсолютно беспристрастно, приветствуя его неспешными и одновременными взмахами рук, как по команде. Виктор хотел затормозить свой полет, остановиться, вернуться на землю, туда, где всего несколько минут назад оставил свое тело, но не мог этого сделать, хотел закричать, но у него ничего не получилось. Какая-то неведомая сила несла его дальше и дальше, не обращая никакого внимания на все его старание воспротивиться происходящему. Вдруг дорога, по которой он мчался, разделилась. Виктор сразу понял, что ему надо постараться попасть туда, где лучше, где было хотя бы немного белого, успокаивающего света. Он даже свернул в ту сторону, но вдруг почувствовал, как кто-то невидимый схватил его за плечи и, развернув на сто восемьдесят градусов, толкнул сильно в спину, заставив тем самым двигаться в противоположном направлении, туда, где была кромешная темнота.

– А-а-а! – издал истошный вопль Виктор, проносясь, как комета, мимо перекрестка, где только что пытался изменить свою судьбу.

Сзади, прямо за спиной он услышал чей-то ехидный смех, но рассмотреть того, кто смеялся, ему не удалось, потому что все та же неведомая сила не дала ему повернуть голову.

– Куда вы меня несете? – в ужасе закричал Виктор.

– В ад! В ад! – захохотало все вокруг.

Разверзлась бездна, и через мгновение душа Виктора исчезла за ее воротами, навсегда погрузившись в черноту.

Глава 7. Настоящее шоу не нуждается в рекламе

Ровно через неделю рабочие ООО «XXI век» пришли на работу на свое предприятие, но на территорию цеха их не пустили, а вышедший к рабочим директор объявил, что у них у всех есть еще один оплачиваемый отпускной день, и закрыл за собой дверь на территорию предприятия. Работяги немного потолкались в полном недоумении перед запертой дверью, а затем, напившись пива в ближайшем киоске, разъехались по домам до завтра. О том, что на территории цеха был найден труп их руководителя, они узнали только на следующий день. В детали трагедии их никто не посвящал, а спрашивать подробности у генерального директора Талызина они не решились, зная не понаслышке о его крутом нраве и вспыльчивости, а потому все догадки строились на сплетнях, передаваемых из уст в уста.

На территории цеха, где произошла трагедия, было уже все убрано. Ничто не напоминало о той ужасной картине, которую первым увидел Вадим, прибывший на завод тоже ровно через неделю, как и договаривался с представителями службы безопасности банка. Он готов был увидеть все, что угодно, но только не труп своего бывшего подельника. Вадиму стало плохо, и его сразу же стошнило. После этого он дико закричал и сначала попытался позвонить в милицию, воспользовавшись своим мобильным телефоном, но у него ничего не вышло из-за того, что руки дрожали, и он никак не мог набрать нужный номер. В конце концов, Вадик выронил мобильный телефон из рук прямо на кафельный пол, отчего дисплей телефонного аппарата треснул и, расколовшись на множество мелких частей, погас. Вадим непослушной рукой запихнул телефон в карман брюк и выскочил из цеха. Он снова закрыл дверь на ключ и побежал к центральному КПП, где находился стационарный городской телефон. Как бы Вадик ни был растерян и обескуражен от увиденного, однако у него все же хватило ума не заходить в цех, чтобы не наследить и оставить все в том виде, в котором и была обнаружена вся эта картина.

– Але! – кричал в трубку телефонного аппарата Вадим. – Это милиция? Срочно приезжайте. Убийство!

Девушка на том конце провода записала номер телефона звонившего, адрес и монотонно сказала:

– Ждите. К вам выезжают.

Ждать пришлось полчаса, не меньше, а еще через двадцать минут Вадим в качестве свидетеля давал показания по этому делу следователю.

Это он потом выходил на ступеньки к рабочим и объявлял о том, что сегодняшний день тоже будет выходным.

Слухи разносятся гораздо быстрее, чем это можно себе представить, поэтому через неделю весь город знал о происшествии во всех подробностях, значительно расходящихся с официальной версией, которую объявили по радио и по телевидению. Как это и бывает, проболтался кто-то из следователей, работавших по этому странному и страшному делу. Он-то и добавил от себя несколько придуманных на ходу пикантных подробностей, ну, а дальше понеслось. Народная молва, работая по принципу испорченного радио, донесла «правдивую» версию случившегося до всех. Окончательно искаженный и испорченный слух докатился и до театральных деятелей, отчего их художественное воображение разыгралось не на шутку.

– Говорят, его страшно пытали, а потом повесили под самым потолком, – с видом всезнайки говорили одни.

– Да кто Вам такое сказал? – удивленно поднимали брови другие. – Его сожгли вместе со всеми бройлерами в печи.

Тут в разговор вмешивался кто-то еще:

– Вот народ пошел, а еще интеллигенция, бомонд. Если хотите знать, его утопили. Да, да, утопили. И нечего рассказывать то, чего не знаете.

Споры в кулуарах по этому поводу продолжались еще долго, благо до драк и поножовщины дело не дошло, а потом один из режиссеров Сергей Никонович, впитавший в свое сознание все версии случившейся трагедии, решил всех разом обойти на вираже. Отличаясь новаторством и нестандартным подходом к искусству, господин Никонович плюнул на цензуру нравственности и отважился поставить спектакль по мотивам совершенного преступления, задействовав в создании сценария самую невероятную и чудовищную версию случившегося. Тем самым он прославил почившего Виктора, якобы замученного до смерти целой бандой вымогателей-рэкетиров, а заодно с ним ООО «XXI век» и никому не нужный до сих пор завод «Алмаз».

Так в городе появилась постановка со звучным названием «Сатисфакция». В ней рассказывалась подлинная история, как утверждали театралы, жизни Виктора Романовского и его чуть ли не геройская смерть. В театре перед премьерой были приняты беспрецедентные меры безопасности:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.